

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Евгения
Горская

НЕСПОСОБНОСТЬ
ЛЮБИТЬ

Татьяна Устинова рекомендует

Евгения Горская
Неспособность любить

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Горская Е.

Неспособность любить / Е. Горская — «Эксмо»,
2017 — (Татьяна Устинова рекомендует)

ISBN 978-5-04-089575-5

Когда обожаемый Кирилл выгнал ее из дома, Ника думала, что жизнь кончена. У них все было хорошо, и вдруг муж заявил, что любит другую. Прошло время, Ника научилась как-то жить без него. И тут пришло страшное известие – Кирилл убит! Его отравили вместе с другом Сашей, когда они встретились на даче отметить день рождения. Сложно сказать, кто несчастнее – мать Кирилла, потерявшая единственного сына, или жена Саши, ожидающая ребенка. Нике пришлось позаботиться о них, хотя она вовсе не собиралась ввязываться в это дело. Ей хотелось только одного – забыть все связанное с тем отрезком ее жизни, когда она была замужем. Но тайна гибели бывшего мужа и его друга не дает ей покоя.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089575-5

© Горская Е., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Евгения Горская. Неспособность любить	6
18 февраля, суббота	6
24 февраля, пятница	9
25 февраля, суббота	14
26 февраля, воскресенье	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Евгения Горская

Неспособность любить

© Горская Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Я страшный консерватор, особенно когда речь заходит о детективе.

Я всегда выбираю книги со всей серьезностью: долго хожу туда-сюда вдоль заставленных полок магазина, придирчиво читаю аннотацию, пролистываю несколько страниц из середины, внимательно разглядываю обложку, нюхаю свежееотпечатанные страницы, иногда пробую корешок на зуб. Просто я должна быть заранее уверена, понимаете?.. Чтобы не было никаких неприятных неожиданностей, а напротив одни приятные: тайны, загадки, погони, перестрелки, любовь опять же. И – главное! – чтобы в финале зло оказалось наказано, а добро восторжествовало! А чего ради еще читать?..

Особенно бывает обидно, когда знакомые авторы вдруг «берутся за ум»: писал-писал, хорошо писал, отлично даже, всем нравилось, а потом какая-то высокоумная «достоевщина» начинается. Зачем?..

А вот моя любимая Евгения Горская из тех авторов, в которых можно не сомневаться. Принимаясь за ее новый детектив, можно быть твердо уверенным: вечер удастся на славу!

Горская – непревзойденный мастер интриги. Ей удастся придумывать нетривиальные, захватывающие, многоходовые сюжеты – и «Неспособность любить» очередное тому подтверждение. Я прекрасно знаю, как сложно придумать историю со множеством взаимосвязанных детективных линий. Они то расползаются в разные стороны, то норовят намертво спутаться, и выстроить их в стройную логическую цепочку порой просто невозможно. Но Евгения Горская без труда управляется с несколькими детективными нитями одновременно, превращая их в единый стройный, до мельчайших деталей выверенный рисунок сюжета. В романе «Неспособность любить» она водит за нос, отвлекает, пускает нас – читателей – по ложному следу. И никак не разобраться в сюжетных перипетиях, пока сама Евгения все нам не объяснит. Читаешь – и дух захватывает!

Но что еще важнее, Евгения Горская сумела вычислить «золотое сечение» детектива – здесь в самый раз... всего: и страхов, и предательств, и приключений, и тайн, и любви, а это верный признак мастерства и опытности автора.

Автор великолепно закручивает интригу, не перегружая книгу ненужными сложностями: история получилось достаточно простой, но вовсе не тривиальной. А потому пробираться через хитросплетения сюжета – сплошное удовольствие, я бы даже сказала, наслаждение.

И не найдется даже, дорогие и уважаемые читатели! Я не стану рассказывать вам, в чем там дело и «кто виноват»! Вы узнаете сами, прочитав новый, блестящий детектив Евгении Горской.

Как обычно, я немного вам завидую: я-то уже прочитала, и мне остается только ждать следующей книги...

Татьяна Устинова

Евгения Горская. Неспособность любить

18 февраля, суббота

За окном была серая муть. Данила посмотрел в щель между занавесками, снова закрыл глаза, но понял, что больше не заснет. Осторожно, стараясь не разбудить Улю, выбрался из постели, тихо прошел на кухню, закрыл дверь.

Жена любила поспать, а он любил жену и старался, чтобы ей всегда было хорошо. Сегодня ему хотелось, чтобы Уля встала попозже, утро обещало быть неприятным. Не поехать к Кирюхе на день рождения он не мог. Просто не мог, а Уля этого понимать не желала.

– Ну давай поедem вместе, – уговаривал он жену накануне.

Плестись куда-то за город Уле не хотелось, сидеть там с друзьями Данилы и слушать скучные мужские разговоры не хотелось тем более.

– Он мог устроить нормальный день рождения! – Уля едва не плакала, и Даниле было ее очень жалко. – Можно же в ресторан сходить!

Конечно, можно отлично посидеть в ресторане, но они уже лет пятнадцать в этот день собирались втроем у Кирилла на даче. Это давно стало ритуалом, и никто не собирался ритуал менять.

Ритуал появился, когда все они еще были неженаты, и остался, когда все обзавелись семьями. Забавно, но каждый пытался привести жену на эти ежегодные посиделки, и жены, все как одна, в следующий раз даже не пытались навязываться. Не потому, что разговоры друзья вели какие-то особенные и не предназначенные для дамских ушей, они даже честно старались жен разговорами заинтересовать, но ничего из этого не получалось. Женщины скучали и не могли дождаться, когда наконец вернутся домой.

Данила старался ничем не звякнуть, но Улю разбудил. Она появилась заспанная и такая несчастная, что на какой-то момент он решил от поездки отказаться.

– Уль, я побуду там часика три и вернусь, – заискивающе пообещал Данила.

Она молча пожала плечами – как знаешь.

– Чаю хочешь?

Она опять не ответила. Достала из холодильника сок, добавила кипятку и села напротив мужа, обняв стакан.

– Уля, ну не злись.

– Я не злюсь.

Вообще-то, день рождения у Кирилла был вчера. И Кирилл с Сашей отправились на дачу вчера вечером, а Данила задержался. Вчера он освободился только в десятом часу, друзья к этому времени уже давно должны были спать, поскольку уехали утром и спиртного повезли с собой много. В этот день у них было принято выпивать больше обычного. Да и оставлять Улю ночью одну Данила не хотел. Вот и перенес поездку на утро.

Данила не знал, как остальные, но сам он Кирюхиного дня рождения ждал. Это был единственный день, когда он отдыхал от работы, от мучительных мыслей о том, как не потерять бизнес, и даже от Ули.

Он жевал шашлык, который всегда удавался у Сашки, вспоминал, что ему только чуть за тридцать, что впереди еще вся жизнь, и начинал верить, что удача к нему обязательно придет. Иначе и быть не может.

– Ну почему нельзя пойти в ресторан? – опять начала Уля, подняв на него обиженные глаза.

Волосы у нее после сна были спутаны, и Даниле захотелось их пригладить. Ему было очень жалко жену.

– Не я же приятелей собираю, – в который раз объяснил он. – Кирилл привык отмечать день рождения на даче.

– Он холост, а ты женат!

Вообще-то, Кирюха тоже был женат. Развод с Никой он так и не оформил.

– Ульяша, я недолго.

Она обреченно отвернулась. Он законченный мерзавец, если способен так ее мучить.

Данила поцеловал жену и ретировался в комнату. Потертую старую куртку он приготовил заранее, Уля давно порывалась ее выбросить, а он непонятно зачем не давал. Куртке было лет десять, и надевал ее Данила один раз в году, на Кирюхин день рождения.

Вызвал такси, чтобы самому не садиться за руль, отказывать себе в выпивке он не собирался даже ради Ули. Быстро оделся, сунул в карман куртки бумажник, опять поцеловал жену и с облегчением захлопнул за собой дверь.

Машина еще не подошла, пришлось побродить вдоль дома. Раньше, выходя из подъезда, он останавливался, махал жене рукой. Уля стояла у окна и тоже ему махала. Но это было давно, года два назад. Потом такие прощания незаметно, сами собой прекратились.

А ведь это неправильно. Меньше любить жену с тех пор он не стал.

Желтая машина подъехала быстро, минут через пять. Данила сел рядом с водителем, пристегнулся. Такси он пользовался нечасто и машинально отметил, что водители в последнее время попадают русские, мигрантов совсем не стало.

Слава богу, ему повезло с последним тендером, а то впору было хоть самому начинать извозом заниматься.

В машине тихо играла музыка, женский голос подвывал не то а-а, не то ля-ля.

– Не мешает? – спросил таксист, суровый мужик лет пятидесяти.

– Нет, – заверил Данила, запоздало на себя разозлившись. Музыка мешала.

Вечно он так, не умеет на своем настоять.

Машин на дорогах было немного, несколько раз притормозили у светофоров и выехали на трассу. Зима в этом году выдалась морозная и снежная, давно таких не было. Вдоль трассы белели высокие сугробы. Хорошо, если Кирилл с Сашкой расчистили дорожку на участке, а то не пролезешь по снегу.

Фирма выполнит работу, полученную по последнему тендеру, и они с Улей поедут отдыхать: валяться у теплого моря и пить вино. А потом Данила будет думать о том, как быстро и качественно расширить фирму. Он будет много работать и много зарабатывать, и это будут честные деньги.

До сих пор он много работал, но много заработать не получалось. То есть имел он куда больше рабочих, которым платил, но не имел главного – уверенности в завтрашнем дне. Фирма в любой момент могла обанкротиться.

С последним тендером повезло, фирма выиграла заказ на ремонт четырехэтажного корпуса городской больницы. Работу нужно выполнить быстро и качественно, тогда при следующих тендерах у него появится хорошее преимущество.

Нормальные деньги можно зарабатывать только на госзаказах, с частного много не получишь. Тем более сейчас, когда денег у населения становится все меньше.

С тендером вышло удачно. И откат был нормальный, не непосильный, десять процентов от суммы договора. Даже и не откат вовсе, просто благодарность за удачно проведенную сделку.

Это Данила воспринимал спокойно. Не он устанавливал правила, не ему и менять.

Машина свернула к дачному поселку, остановилась у ворот.

– Спасибо. – Данила рассчитался с водилой, вылез, открыл железную калитку.

Дороги в дачном поселке оказались расчищены. Похоже, трактором.

Идти было недалеко, Кирюхин дом стоял почти рядом с воротами.

Приятели еще спали. Крыльцо покрывал ровный слой снега – дверь утром не открывали.

– Кирилл! – крикнул Данила, толкнув дверь. Она оказалась не заперта. – Кирилл!

Он потопал немного, стряхивая снег с ботинок, прошел через веранду. В доме было тепло, он на ходу расстегнул куртку.

Кирилл лежал на диване, а Саша в кресле.

Даниле понадобилось минут пять, чтобы понять, что друзья мертвы.

24 февраля, пятница

На мертвого Кирилла Ника старалась не смотреть. То, что лежало под цветами не было ее бывшим мужем. Тот Кирилл был веселым, шумным, тот Кирилл странным образом притягивал всеобщее внимание и оказывался в центре любой компании. Она когда-то очень его любила.

Молодой строгий священник красивым баритоном произносил слова заупокойной службы. Затекла правая рука, Ника переложила свечу в левую.

Мамин звонок настиг ее за много тысяч километров от дома, на Дальнем Востоке. Фирма заканчивала работы по автоматизации электроподстанции. Никина часть работы была давно сделана и протестирована, и своим внезапным отъездом Ника никого не подводила.

Она ехала до Владивостока по изумительно красивым местам, потом много часов мучилась в неудобном кресле «Боинга» до Москвы, объясняла себе, что Кирилла больше нет, и не чувствовала почти ничего. Разве что жалость к свекрови.

Ника очень страдала, когда Кирилл ее бросил. Она цеплялась за соломинку, и даже то, что он не настаивал на немедленном разводе, казалось ей надеждой на то, что счастье когда-нибудь вернется. Ника думала, что страдания не кончатся никогда, но они прошли. В последний год она почти не вспоминала о бывшем муже, а когда вспоминала, воспоминания не приносили никакой боли. Только грусть.

Сейчас Ника не вернулась бы к Кириллу, если бы он ей это предложил. Она стала другой. Она стала умной и проницательной, научилась видеть людей насквозь. Как рентгеновский аппарат.

Служба закончилась, Ника загасила свечу, вслед за свекровью прикоснулась к бумажной полоске на лбу Кирилла. Свекровь качнулась, кто-то подхватил ее под руки.

Слезы подступили неожиданно. Они текли и текли, платок, который Ника достала из кармана пуховика, промок почти сразу. В автобусе по дороге к ресторану Ника порылась в сумке, достала другой платок, переложила в карман.

Она была чужой на этих похоронах. Мама не отходила от свекрови, а остальных Ника почти не знала. На поминках напротив нее сидел мрачный Данила рядом с грустной участливой девушкой. Женой, наверное. У обоих на пальцах были обручальные кольца, и они не отходили друг от друга.

Данилу Ника знала лучше остальных. Тогда он еще не был женат и иногда появлялся в их с Кириллом съемной квартире. Еще появлялся Саша, но Сашу схоронили вчера.

– Данила, нужно будет вызвать такси Елене Сергеевне, – беспокоилась Данилина жена.

– Конечно, – кивал Данила.

Такси вызвала бы и Ника, не бросила бы свекровь в пустом ресторане. Да и мама не оставляла Елену Сергеевну ни на минуту.

– Господи, как ее жалко! Данила, нужно обязательно ей звонить!

– Конечно.

На панихиде Ника видела Сашину жену Лизу, от нее не отходил высокий мужчина, сначала показавшийся Нике незнакомым. Лиза смотрела в одну точку замершим взглядом, мужчина страховал каждое ее движение. На поминках Ника Лизу не увидела.

– Как же это могло случиться? – тихо недоумевал кто-то в другом конце длинного стола. – Они же не бомжи! Они же не «Боярышник» пили!..

Данила налил ближайшим дамам водки, Ника выпила вместе со всеми.

– Вы жена Кирилла? – обратила на Нику внимание участливая супруга Данилы.

– Вдова, – хмуро поправил Данила.

– Да, – кивнула Ника.

– Меня зовут Ульяна.

Ника покивала – очень приятно.

Ульяна выскользнула из-за стола, подошла к матери Кирилла, что-то заговорила. Елена Сергеевна повернулась к ней, заплакала.

– Вот такие дела... – грустно протянул Данила.

Ника опять покивала.

– Менты с тобой разговаривали?

– Да.

Когда Ника позавчера приехала к свекрови, у нее были двое полицейских. Задали несколько вопросов и Нике, она ответила. Рассказывать ей было нечего, она не видела и не слышала мужа три последних года.

– Это я их нашел.

– Елена Сергеевна говорила.

Поднялась группа людей – коллеги Кирилла, попрощались. Остались только свои – Елена Сергеевна, Никины родители, сама Ника и Данила с женой. Еще был новый друг свекрови, симпатичный толстый дядька с тихим спокойным голосом. Про друга тихо шепнула мама уже на похоронах.

Ника пересела на два стула поближе к Елене Сергеевне.

Она и раньше видела свекровь редко, только на семейных праздниках. Кирилл к матери ездил чаще, но всегда по поводу. Что-то прибить, что-то починить. Еще ездил, когда у Елены Сергеевны появлялся новый друг. Друзей свекровь меняла примерно раз в полтора года, и Ника искренне недоумевала, где она их находит.

– Ты меня не забывай, Ника, – заплакала Елена Сергеевна. – Звони.

– Обязательно.

Они ни разу не разговаривали за последние три года, но теперь это не имело значения.

Наконец все потянулись к телефонам вызывать такси.

Ника думала, что все кончилось, а все только начиналось.

К вечеру заметно похолодало, мелкий снег сыпал прямо в лицо. Данила стоял возле приехавшей за ними машины и отворачивался от бьющих снежинок.

Уля никак не отходила от Ники. Ника уже приоткрыла дверь своего такси и тоже старалась увернуться от сыплющей в глаза крупы.

– Приходите к нам, – говорила Уля. – Приходите. Данила дружил с Кириллом, и нам надо дружить. Кириллу бы это понравилось.

Кириллу и живому было наплевать на Нику. Данила поморщился.

Наконец такси Ники отъехало. Уля зябко передернула плечами, нырнула в теплое нутро автомобиля, Данила залез следом.

– Она сидела как чужая, – осуждающе покачала головой Уля. Ника жене не понравилась. – Как будто не ее муж умер.

– Кирилл и Ника сто лет как разошлись, – напомнил Данила.

– Ну и что? Он ее муж! Я бы вообще умерла, если бы... Господи, что я такое несусь? – Уля испугалась, прижала ладони к лицу. – Дан, я так тебя люблю!

– Я тебя тоже. – Объясняться в любви при водителе было неловко. Данила быстро наклонился к жене, поцеловал лоб под капюшоном шубки.

– И к Саше на похороны эта Ника не пришла! Лиза к Кириллу на похороны пришла, а Ника к Саше – нет. Она ведь знала Сашу, да?

– Знала, – подтвердил Данила. – И Лизу знала.

– Ну вот, видишь!

– Уль, они действительно давно расстались, Кирилл с Никой. Я о ней вообще и не вспоминал бы даже.

– Не хватало еще, чтобы ты о ней думал! – засмеялась Уля и быстро прижалась к плечу мужа. – И все-таки я не понимаю... Ну как они могли отравиться?

– Да никак, – объяснил Данила. – Убили их.

– Дан! – От негодования Уля от него отодвинулась. – Ну что ты несешь? Зачем кому-то убивать Кирилла? Он что, политик? Боевик?

Он терпеть не мог имени Дан. Когда-то просил Улю так его не называть, но она не слушала. Впрочем, это он жене прощал. И мог ей простить не только это.

Обсуждать в машине убийство было еще глупее, чем объясняться в любви.

– Не понимаю! Как ты думаешь, когда полиция точно скажет, отчего они умерли?

– Понятия не имею.

Такси наконец затормозило, Данила расплатился, выбрался из машины. Жена тоже выбралась, потопала ногами, потянула его к подъезду.

– Пойдем скорее! Холодно.

Даниле хотелось покурить, но он послушно поплелся следом.

Прихожая у них была маленькая, он терпеливо ждал, пока Уля повесит шубу на вешалку. Жена поправила рукава, ласково погладила легкий мех. Наконец захлопнула шкаф, пропустила Данилу.

– А Ника, она кто? – Это Уля спросила уже из ванной, она всегда мыла руки, приходя с улицы. Его тоже пыталась приучить, но не смогла.

– В каком смысле? – не понял он.

– Кем работает?

– А... Не знаю. По технике что-то. Она моложе Кирилла лет на пять. Когда они поженились, Ника еще студенткой была.

Женился Кирилл рано и неожиданно.

Они с Данилой жарили мясо у Кирилла на даче. Лето тогда было жаркое, парни отлично поплавали в пруду, который находился в пятнадцати минутах езды на велосипедах. «Я женюсь», – сказал Кирилл, обжигаясь обугленным с одного бока мясом. «Зачем? – не понял Данила и только потом поинтересовался: – На ком?» Постоянной девушки у Кирилла тогда не было. «Ты ее не знаешь», – ответил друг.

Никую он увидел через пару дней после этого разговора. Ника смотрела на Кирилла влюбленными глазами. В этом взгляде было что-то собачье, и Даниле стало жаль девчонку.

– Лизу очень жалко. – Уля вышла из ванной, прижалась к Даниле.

– Жалко, – подтвердил он.

И вчера, на Сашкиных похоронах, и сегодня на Лизу было страшно смотреть. В буквальном смысле страшно, Даниле казалось, что она прямо сейчас грохнется в обморок, и хотелось подхватить ее заранее, чтобы не расшиблась.

– Хорошо, что Федя от нее не отходит.

– Хорошо, – подтвердил Данила.

– И Елену Сергеевну жалко. – Уля включила чайник, открыла полку, задумалась. На ночь она пила какие-то специальные чаи и теперь выбирала, какой пакетик бросить в чашку.

– Жалко. – Он легко отодвинул Улю, достал початую бутылку водки, налил в рюмку.

– Данила!

– Одну рюмку, – успокоил он.

Он никогда не злоупотреблял выпивкой, и жена не была абсолютной трезвенницей, но отчего-то терпеть не могла, когда он прикасался к спиртному.

– А Федю ты хорошо знаешь?

– Плохо.

Уля наконец выбрала чай, залила пакетик кипятком, села в уголок стола.

Он никогда не называл Федора – Федей. И Кирилл с Сашкой не называли. Федор приходился Сашке двоюродным братом, пару раз в году они сталкивались у Сашки, когда родственники к нему приезжали.

– Саша стал врачом, потому что у него мама рано умерла? Он хотел помогать людям?

– Не знаю. Может быть.

Сашкина мама умерла, когда они учились в десятом классе. У Сашкиного отца давно была другая семья, и из жизни сына он выпал начисто. Правда, деньгами помогал. Жить с теткой Саша наотрез отказался, и существовал один в трехкомнатной квартире, пока не женился на Лизе.

А женился он, как только ему исполнилось восемнадцать. То есть Лизе исполнилось. Она моложе Сашки на два месяца.

– И все-таки я не понимаю... Неужели правда их специально отравили? Но за что Кирилла травить, а, Дан?

– Не знаю. – Данила сполоснул рюмку, поставил на место. – Пойдем спать, Уля.

– Пойдем.

Выключая свет, он неожиданно предположил:

– Убить хотели не обязательно Кирилла, возможно, Сашку, а Кириллу просто не повезло.

Повезло ему, Даниле.

Уля не ответила, прижалась к мужу, положив голову на грудь. Он притянул ее ближе, обнял.

Противно завыл ветер за окном. Интернет обещал похолодание, и, похоже, прогноз сбывался.

Лизу все время знобило. Она куталась в меховой жилет, стараясь укрыть ладони и локти, но согреться не получалось.

– Федор, ты поезжай, – попросила Лиза двоюродного Сашиного брата, когда он привез ее с похорон Кирилла. – Ты езжай, я посплю.

Уезжать Федору не хотелось. Он боялся оставить ее одну, как будто Лиза собиралась немедленно умереть вслед за мужем. Она бы, наверное, так и сделала, если бы у нее на этом свете не было исключительно важных дел. А такие дела были, и Саша не простит, если она их не сделает.

Самым главным было вырастить их будущего ребенка. Про ребенка еще никто не знал, кроме нее и Саши. Они и сами узнали о грядущем радостном событии совсем недавно, за неделю перед тем, как Саша вместе с Кириллом поехали на дачу.

– Мне холодно, – пожаловалась Лиза, наклонившись над большой Сашиной фотографией. Фотография была со вчерашних поминок, Лиза пристроила ее на письменном столе.

Мама уверяла, что фото с похорон хранить дома нельзя, оно принесет несчастье, но Лизе до грядущих несчастий дела не было. Самое плохое, что могло с ней произойти, уже произошло.

Лиза подвинула кресло, села, положив подбородок на сцепленные руки. Саша смотрел на нее ласково, и ей не хотелось уходить от фотографии.

– Федор ездил со мной Кирилла хоронить, – рассказала она Саше. – Народу много было. А из наших только Ника и Данила с Улей.

Ника Лизе нравилась, а Сашин друг Кирилл – не очень. То есть совсем не нравился. «Да перестань ты! – морщился Саша, когда Лиза недовольно бурчала на очередную Кириллову выходку. – Манера у него такая, придурка из себя строить. На самом деле он нормальный».

Совсем недавно «нормальный» Кирилл протягивал таксисту пятитысячную купюру и разводил руками – других нету. Лиза немедленно полезла в кошелек за сотнями, а Кирилл,

выбравшись из машины, объяснял ей, что таксист обязан иметь сдачу. А если не имеет – его проблемы. Лиза точно знала, что мелочь у Кирилла была, он при ней заглядывал в бумажник.

У Лизы каждая встреча с Кириллом оставляла противный осадок. «Не обращай внимания, – отмахивался Саша. – Он прикалывается».

– Светлана Анатольевна завтра уедет, – сказала портрету Лиза.

Сашина тетя, Светлана Анатольевна, приехала на похороны племянника из Израиля, Сашиному дяде сделали там операцию. Операция была тяжелая, полостная, задерживаться в Москве тетя не могла. Да и зачем? Помочь Лизе не мог никто, а быть рядом с мужем Светлане Анатольевне необходимо.

Зазвонил телефон, Лиза неохотно сняла трубку. Мама проверяла, как она там.

– Ничего, – сказала Лиза. – Ничего.

– Приезжай к нам, – опять заладила мама.

– Не надо, все в порядке, – заверила Лиза. – Я сейчас лягу.

Опять попытавшись закутаться в жилет, Лиза прошла на кухню. Не хотелось ни пить, ни есть, но она заставила себя поужинать бутербродом с колбасой. Будущего малыша надо хорошо кормить. «Завтра же начну нормально питаться», – пообещала себе Лиза.

Из кухни она опять вернулась к портрету. Посидела, глядя на Сашу, вздохнула:

– Пойду спать.

Сил лезть в ванну не было. Лиза свернулась клубочком в постели, закуталась в одеяло.

Спальню они обустроили в бывшей Сашиной комнате. Раньше, когда еще была жива Сашина мама, здесь стояла узкая кушетка, а после свадьбы они купили широкую кровать, потом вместо нее другую, потому что старая почти развалилась. Денег на первых порах было немного, и они покупали отечественную мебель.

Когда Сашина мама умерла, тетя, Светлана Анатольевна, предлагала продать квартиру. Поменять на меньшую, чтобы у Саши были деньги. Наверное, Саша так и сделал бы, но тут с деньгами ему здорово помог отец, ежемесячно выдавал сыну вполне достаточную сумму, чтобы тот мог нормально учиться. Свекор и дальше давал бы деньги, но Саша еще студентом начал работать и от помощи отца отказался. А потом и вообще отдал отцу все полученные когда-то деньги до копейки.

Свеkra это сильно обидело, но Саше на отцовские обиды было наплевать.

Все считали, что Саша пошел в медицинский, потому что у него рано умерла мама, но это было не так. Медицина его интересовала, когда еще ничто не предвещало, что Веры Анатольевны скоро не станет. Лиза тогда вообще не думала о будущей профессии и только фыркала, видя у друга какую-нибудь популярную медицинскую книжку.

– На самом деле нет ничего интереснее человека, – улыбался ей Саша.

Он всегда ей улыбался, всю жизнь, хотя, в отличие от Кирилла, впечатления весельчака не производил.

– А космос? – спорила Лиза. – Происхождение Вселенной?

– Тоже занятно, – соглашался будущий муж. – Но человек интереснее. Происхождение Вселенной человечество когда-нибудь объяснит, а себя едва ли. Человек сложнее Вселенной.

Саша тогда казался ей ужасно умным. Впрочем, он всегда казался ей ужасно умным. Еще он был самым честным, самым добрым и самым надежным, и сейчас ей было жалко и стыдно, что она портила свое счастье ревностью.

Саша не давал ей никаких поводов для ревности, и в глубине души Лиза знала, что ни на какую другую женщину он ее не поменяет, но все равно ревновала. Хорошо хоть, что мучила только себя, к Саше старалась с этим не приставать.

Незаметно Лиза задремала, не зная, что бесконечная череда грядущих дней, о которых ей даже думать было страшно, может оказаться совсем не такой бесконечной. Лиза была опасна убийце, и убийца об этом не забывал.

25 февраля, суббота

Нику разбудила свекровь.

– Ника, – заговорила Елена Сергеевна. Ника резко села в постели, звонка от свекрови она не ждала и отчего-то испугалась. – Лиза вчера на похоронах платок забыла. Выронила на панихиде, а уехала-то она сразу, на поминки не осталась. Платок у меня, ты не можешь ей передать?

– Какой платок? – не поняла Ника.

– Пуховый. Передашь, Ника?

– Передам, конечно.

Какие-то разговоры насчет потерянного платка Ника вчера слышала. Данила спрашивал, кто его потерял. «Мог бы и сам съездить к Лизе», – зло подумала Ника. Данила с Лизой отлично знакомы. Впрочем, ей сразу стало стыдно и очень жалко свекровь, которая использовала любой повод, чтобы позвонить Нике.

– И еще... Кирюша квартиру снимал. Нужно оттуда все забрать. Месяц кончается, к марту жилье надо освободить. Поможешь?

– Конечно.

– Приезжай. Я тебе платок дам и ключ.

Ника нащупала ногой тапочки, поплелась в ванную. Квартиру родители ей купили, когда Кирилл ее бросил. Разменяли свою трехкомнатную на две однушки. До этого Ника с Кириллом квартиру снимали. Мама очень переживала, пыталась и тогда совершить какой-то обмен, но не успела. И слава богу. Теперь Ника понимала бывшего мужа гораздо лучше и поостереглась бы доверить ему собственную недвижимость. Впрочем, не исключено, что в ней просто говорит ревность брошенной женщины.

До дома свекрови ехать было далеко, новое жилье Ники располагалось почти у МКАД. На улице сильно потеплело, эта зима отличалась резкими перепадами температур. По дороге к метро Ника осторожно обходила лужи, уставившись себе под ноги.

Кирилл бросил ее в такой же сырой день. Странно, но у нее тогда не было никаких дурных предчувствий. Она готовила ему ужин и радовалась, что мясо получилось замечательное, когда в двери заворочался ключ.

– Кирюша! – выбежала к мужу Ника. – Кирюшка, как я соскучилась!

– Мне надо с тобой поговорить, Ника. – Он хмурился и старательно отводил глаза. А потом посмотрел с жалостью.

То есть тогда Ника еще не понимала, что он смотрит с жалостью. Тогда ей было весело.

– Говори, – засмеялась она. – Только быстро, ужин остынет.

Кирилл повесил куртку, переобулся.

– Послушай. – Он осторожно обошел жену, встал у окна в комнате, уставившись в темноту ночного города. – Наш брак не получился. Нам надо расстаться.

– Что? – не поняла Ника.

Действительно не поняла. Еще утром Кирилл целовал ее на прощание, а до этого ночью им было по-настоящему хорошо, она и теперь в этом не сомневалась.

– Кончай, Ника! – Он начал злиться. Ему хотелось поскорее все разрешить. – Не строй из себя дуру!

Самым стыдным было то, что она долго не могла поверить в происходящее. Она плакала и смотрела на него непонимающими глазами.

– Но... как же так... Кирюша... – повторяла Ника, пока не догадалась спросить: – У тебя... другая?

– Да! – заорал он. – У меня другая! У меня другая женщина, и я хочу остаться один!

Он вызвал ей такси и так и стоял у окна, пока она одевалась. Хорошо, что хоть не вытолкал за дверь. Или, наоборот, плохо? Может быть, тогда она не мечтала, чтобы он вернулся.

Во дворе свекрови что-то изменилось, только Ника не поняла, что именно. То ли подросли деревья, то ли расширили детскую площадку. Впрочем, деревья и раньше были большими.

Ника приезжала сюда с Кириллом пару раз в год, на большие семейные праздники. Если честно, ездить к свекрови она не любила и чувствовала себя в гостях неуютно. Елена Сергеевна здоровалась с Никой ласково, целовала и сразу переставала сноху замечать. Ника улыбалась, когда нужно было улыбнуться, кивала, когда следовало поддакнуть, и с облегчением уходила отсюда на следующие полгода.

Когда подъезда она, конечно, не помнила, вошла вместе с мальчиком-подростком, поднялась на второй этаж пешком, позвонила в дверь.

– Кто? – спросила из-за двери свекровь.

Вообще-то, в двери был глазок, она не могла не видеть Нику.

– Я, – глупо объяснила Ника. – Я, Елена Сергеевна.

Зашуршали замки, свекровь посторонилась.

– Проходи.

Ника замялась, не зная, стоит ли раздеваться, расстегнула куртку и прошла вслед за хозяйкой в комнату.

В дверь заглянул свекровин друг, покивал Нике – поздоровался, ласково обратился к Елене Сергеевне:

– Лекарства прими, Леночка.

– Потом, – отмахнулась свекровь.

Мужчина исчез. За Елену Сергеевну можно было порадоваться, в голосе мужчины слышалась настоящая забота. Нике тут же стало стыдно за такие мысли, женщина только что потеряла единственного сына.

– Вот. – Елена Сергеевна протянула Нике деревенский пуховый платок. – Передай Лизе.

– А это точно Лизин? – спросила Ника, убирая платок в сумку.

– Кто-то сказал, что она потеряла. Она же единственная уехала, не осталась на поминки.

У всех оставшихся Данила спрашивал.

Обижаться на Лизу было нельзя, у нее не меньшее горе, но Ника промолчала.

– А ты напрасно не пошла на Сашины похороны. Кирилл с Сашей дружили всю жизнь.

Ника опять промолчала. Елене Сергеевне хотелось забыть, что Ника давно не жена ее сыну. Наверное, ей так легче.

– Вот ключи, Ника, – свекровь протянула ей связку.

Брелок был еще Никин, она сама его сделала лет пять назад. Сплела из бисера, добавив несколько старых бусин. Брелок был красивый, Ника им гордилась.

Но оставила его на столе вместе с ключами, когда уходила из их общего с Кириллом дома. То есть когда Кирилл ее выгнал.

– Елена Сергеевна, – выдавила Ника, – а где Кирилл жил?

Свекровь подняла на нее непонимающие глаза, с недоумением назвала адрес. Адрес был их старый, бывший муж не поменял за прошедшие годы места проживания.

– Только не выбрасывай ничего из вещей, – предостерегла Елена Сергеевна. – Сначала покажи мне.

– Конечно, – кивнула Ника.

Ей бы в голову не пришло выбросить чужие вещи.

До сих пор она и в руки-то чужих вещей без разрешения не брала.

Больше говорить было не о чем. Ника вышла на лестничную площадку, кивнула на прощание, свекровь заперла за ней дверь.

Только спустившись вниз, Ника с запозданием вспомнила, что Лизиного телефона у нее нет. Пришлось звонить Елене Сергеевне, спрашивать.

Ника уничтожила телефоны друзей Кирилла год назад, когда Кирилл стал для нее просто неприятным воспоминанием. До этого телефоны Лизы, Саши и Данилы казались хоть какой-то связью с прежней любовью, которую она долго надеялась вернуть.

Лиза звонила ей несколько раз, пыталась поговорить, поздравила с днем рождения. Это было почти сразу после того, как Кирилл ее бросил. Они поговорили о чем-то, а потом Ника не выдержала, спросила, есть ли сейчас у Кирилла девушка.

– Не знаю, – сказала тогда Лиза. То ли действительно не знала, то ли хотела Нику успокоить. – С нами Кирилл никого не знакомил. Ника, мужчины часто делают глупости, а потом об этом жалеют. У вас все еще может вернуться...

Она еще что-то говорила в том же роде, а Ника чувствовала себя униженной и хотела поскорее разговор закончить.

Лизу она с днем рождения не поздравила и до печального звонка Елены Сергеевны о ней не вспоминала.

Звонить не хотелось. Ника набрала продиктованные свекровью цифры, к собственному стыду мечтая поскорее отделаться и от платка, и от Лизы, и ото всего, связанного с бывшим мужем.

Лиза проваливалась в полусон и снова из него выныривала. Нужно было встать, через силу позавтракать, но она продолжала лежать, кутаясь в одеяло. Телефон зазвонил громко и тревожно, она протянула руку, отозвалась.

– Лиза, это Ника, – сказала трубка. – Ты забыла платок на похоронах. Можно я его привезу?

Пропажу платка Лиза заметила еще вчера вечером. Платок ей купил Саша. Зима стояла непривычно морозная, а Лиза привыкла добегать до машины без шарфа и головного убора, и муж ее за это ругал. Куплю себе что-нибудь на голову, обещала Лиза и не покупала, она терпеть не могла шапки. В конце концов Саша принес этот платок, который сначала показался Лизе абсолютным уродством. Пока она не разглядела, как красив тончайший пух. Настоящий оренбургский, оценила сестра Татьяна. Не то, что бабки на улице продают.

Когда-то Лиза читала, что оренбургский платок однажды был подарен английской королеве. То ли от воспоминаний о королеве, то ли еще почему, но к платку Лиза быстро привыкла и носила его даже в оттепель.

– Привези, – попросила она Нику и вежливо добавила: – Пожалуйста.

Теперь встать было необходимо. Лиза тяжело поднялась, задержалась у портрета, объяснила, что сейчас приедет Ника. Саша смотрел на нее понимающе. Лиза вздохнула, поплелась в ванную. Глядя в зеркало и не замечая собственного отражения, в который раз подумала, что лучше бы не стало ее, чем Саши.

Ника позвонила в дверь минут через пятнадцать, Лиза как раз успела приготовить кофе.

– Вот, – протянула она платок.

Лиза забросила его на вешалку. Вешалка висела высоко, под Сашин рост. Лизе дотягиваться до нее было тяжело. Но она не станет перевешивать. Это их общий дом, и здесь всегда будет ощущаться Сашино присутствие.

– Проходи, – посторонилась Лиза.

Ника замялась. Разговаривать с Лизой ей было не о чем, сидеть просто так – глупо и тоскливо.

– Проходи, Ника. Кофе попьем. – Лиза медленно пошла на кухню, Нике ничего не оставалось как пройти следом.

– Как Елена Сергеевна?

– Да так, – сказала Ника, садясь в угол стола. – Хорошего мало.

– У нее нет... предположений? – Лиза налила кофе в две небольшие чашки, села напротив Ники.

– Что? – В первый момент Ника не поняла, но тут же догадалась. Лиза спрашивала про отравленный коньяк.

– У Елены Сергеевны никаких предположений нет? – Лиза тяжело села напротив, отпила кофе, поставила чашку на стол. На Нику она не смотрела.

– Не знаю, – покачала головой Ника. – А у тебя?

Лиза тоже покачала головой – нет у нее предположений.

– У Саши были враги? – зачем-то спросила Ника. Просто так спросила, не молчать же, сидя напротив друг друга.

– Враги бывают у всех.

Нике всегда казалось, что Саша последний, кто может иметь смертельных врагов. Лизин муж, хотя и был не слишком разговорчивым, производил впечатление человека доброго и надежного. В отличие от бывшего мужа Ники. Впрочем, Кирилл тоже производил неплохое впечатление. Просто он Нику выгнал, вот она теперь и думает о нем плохо.

Похоже, Лизу интересовало только одно: есть ли предположения у Елены Сергеевны. Отчего-то Нике стало обидно.

– Чем они отравились, известно? – Кофе Нике не хотелось, но она допила.

– Нет еще.

– Я сейчас поеду в квартиру Кирилла, – зачем-то сказала Ника. – Елена Сергеевна просила оттуда все вещи забрать.

Лиза кивнула – правильно.

Больше сказать было нечего, и Ника поднялась. Лиза заперла за ней дверь, села у портрета.

– Я еще не заплатила Варя, – вспомнила она, глядя на Сашу.

Заплатить Сашиной медсестре было необходимо. Саша платил помощнице один раз в конце месяца, а в феврале девушка отработала больше половины месяца. Зарплату Варя не просила и при таких обстоятельствах, скорее всего, не попросит, но заплатить надо.

Помощница Саше была нужна, это Лиза понимала. Саша работал частным образом, на вольных хлебах, ездил на вызовы, принимал больных в специально снятой для этого квартире, и вести регистрацию просто не успевал. Взять Варю на работу попросила давняя приятельница, когда Лиза пожаловалась, как сильно Саша устает. Девочка Варя приходилась приятельнице дальней родственницей, окончила медицинское училище и мечтала об институте. Деньги девочке были очень нужны, семья была небогатой.

Лиза сто раз прокляла себя за то, что черт потянул за язык поделиться своими проблемами. Ей хотелось, чтобы с Сашей работала какая-нибудь старая тетка предпенсионного возраста. Сразу отказать приятельнице Лиза не смогла и с Варей встретилась.

Девчонка Лизе понравилась. Варя смотрела на Лизу такими испуганными глазами, что Лиза сразу ее пожалела. Похожая на колобок фигура, плохо уложенные волосы и испуганный взгляд производили общее впечатление какой-то убогости. Потом это впечатление исчезло, Варя оказалась доброй и веселой девчонкой.

Я поговорю с мужем, пообещала Лиза, и Варя начала работать с Сашей. Долго работала, почти год.

Лиза оторвалась от портрета, позвонила Варя. Телефон оказался вне зоны сети. Девушка уехала на свадьбу к подруге как раз накануне страшного происшествия. Лиза звонила ей, узнав о смерти мужа, Варя заплакала, хотела немедленно приехать, но Лиза медсестру остановила. Это ее горе, все остальные должны жить, как жили.

– Ты не помнишь, кто подарил Александру Ивановичу коньяк? – спросила тогда Лиза. – Совсем недавно, прямо перед твоим отъездом?

– Н-нет, не видела. Ему конфеты подарили в последний день, но Александр Иванович их мне отдал.

Больше Варя ничем не могла помочь, и Лиза о ней не вспоминала.

Лиза опять вернулась к портрету, но потом решительно от него отошла, заставила себя одеться и уже достала телефон, чтобы вызвать такси, но тут телефон зазвонил, и она ответила Федору.

– Ты как? – хмуро спросил брат мужа. То есть двоюродный брат.

– Никак, – сказала Лиза. – Хочу поехать к Саше в кабинет.

Кабинетом называлась квартира, в которой муж работал.

– Давай я с тобой съезжу, – предложил Федор.

– Давай, – согласилась Лиза. Из кабинета нужно было многое забрать, без помощи она не справится.

Пока Федор до нее добирался, она сидела у портрета и смотрела на Сашу. Самая большая несправедливость состояла в том, что Кирилл человеком был так себе, а Саша на редкость порядочным.

Только убить пытались Сашу, и попытка удалась.

Бутылка с отравленным коньяком несколько дней стояла у них дома. У них, а не у Кирилла.

Окончательной экспертизы еще не было, но то, что отравлен именно коньяк, известно.

Возвращаться в квартиру, где она была по-настоящему счастлива и откуда ее потом грубо выгнали, было противно. У Ники вообще все, что она делала после сообщения о смерти Кирилла, вызывало внутренний протест. Когда-то ей с большим трудом удалось подавить в себе любовь к мужу, и обиду удалось подавить, и она привыкла думать о Кирилле как о совершенно постороннем человеке. Человеке, который не имел к ней абсолютно никакого отношения.

А теперь получалось, что он все-таки имел к ней отношение, и она просто не желает выполнять свой долг. Мысли были нехорошие, злые, но Ника ничего не могла с ними поделать.

Идти от метро до старой квартиры было недалеко, она заметила небольшое кафе по дороге, попросила кофе, села у окна. Раньше этого кафе не было, они с Кириллом несколько раз ходили в ресторан, который располагался чуть дальше к метро. Проходя мимо, Ника не обратила внимания, существует ли ресторан до сих пор. Впрочем, какая ей разница?

Кирилл не любил проводить вечера дома. Предпочитал компании, встречи с бесчисленными друзьями, а если доводилось проводить время вдвоем с Никой, не выпускал телефона из рук. Ника не обижалась, она уважала его работу и его занятость. Сразу после свадьбы Кирилл устроился в фармацевтическую фирму, занимал должность заместителя директора и действительно отдавал фирме очень много сил и времени.

До этого он работал на «Скорой». Ника познакомилась с ним, когда болела бабушка.

Молодой доктор шутил с бабушкой и мамой и совершенно их очаровал. Сделал бабушке какой-то укол, дождался, когда снизится давление, улыбнулся на прощание Нике и побежал вниз по лестнице. Ника собиралась встретиться с подругой и вышла следом.

– Подвезти? – кивнул доктор на машину «Скорой помощи». Он курил, стоя около кабины.

– Нет, – засмеялась Ника. – Спасибо. Я здорова.

– Это ничего, – успокоил он, бросив окурков в траву газона, и распахнул дверь салона «Скорой». – Садись, до метро подкинем.

Бабушка умерла через месяц после того вызова «Скорой».

Зазвонил телефон, Ника с трудом нашарила его в сумке. Номер на дисплее был незнакомый.

- Привет, – сказал мужской голос.
- Привет. – Данилу Ника узнала сразу.
- Ты как?
- Ничего.

Она должна чувствовать горе, но не чувствовала. Свое горе Ника уже пережила.

Данила молчал, и тогда Ника сказала, просто чтобы что-нибудь сказать:

- К Лизе сейчас ездила, отдала платок.

Данила опять промолчал.

- Сейчас вот еду в квартиру к Кириллу.

- Хочешь, помогу?

– Хочу. – Ника обрадовалась. Входить одной в свое бывшее жилище совершенно не хотелось.

- Ты где сейчас?

- Рядом уже.

- Я минут через двадцать подъеду.

- Давай.

Ника сунула телефон в сумку.

Болтаться около дома было уж совсем глупо, и она нехотя пошла к своему бывшему подъезду. На связке, которую дала свекровь, висел ключ-таблетка, но пальцы сами набрали старый код. Как ни странно, замок щелкнул. Ника вошла в подъезд, поднялась на нужный этаж, отперла дверь.

В квартире царил абсолютный порядок. Беспорядка Кирилл не выносил. Вся одежда немедленно убиралась в шкаф, обувь мылась и ставилась в тумбочку, каждая бумажка ложилась на свое место. Обычно Ника судорожно наводила порядок перед приходом мужа, потому что могла оставить книжку брошенной на диване, или переставить мыльницу, чтобы до нее было удобно дотянуться из ванны, или сделать еще что-нибудь неподобающее.

Она несколько лет жила, каждую секунду стараясь, чтобы Кириллу было с ней хорошо.

Ника растянула пуховик, бросила его на стоявший в прихожей стул. Подумала и перевесила пуховик в шкаф. Это квартира не ее, Кирилла, пусть все будет так, как требует хозяин.

Захотелось пить. Ника открыла холодильник, посмотрела на стоявшую в дверце бутылку минералки. Бутылка была початая. Почему-то прикоснуться к бутылке она не смогла, захлопнула холодильник и налила в чашку воды из-под крана. Чашка была ее старая с надписью «Вероника». Странно, она думала, бывший муж чашку давно выбросил.

Она стояла у окна, отпивая воду маленькими глотками, когда раздался звонок в дверь.

- Привет, – распахнула дверь Ника. – Заходи, Данила.

Отправляясь к Нике, Данила чувствовал себя виноватым, Уля любила, когда по выходным он ездил с ней в питомник.

- Позвоню Нике, – решил он утром, сидя за завтраком напротив жены.

- Зачем? – удивилась Уля. Просто так удивилась, без обиды.

– У нее сейчас хлопот много, – объяснил Данила. – Надо помочь, Уляша, Кирилл с Сашкой были моими друзьями.

Единственными его друзьями.

- Лизе Федор помогает, а Нике и Елене Сергеевне помочь некому.

– Да ты же сам говорил, что Ника и Кирилл разошлись сто лет назад! – Уля все еще удивлялась, не начинала обижаться.

- Все равно, она же до сих пор его жена.

– Не понимаю, – потрясла головой Уля. – Чем ты можешь ей помочь?

– Сейчас узнаю. – Он вышел за телефоном, вернулся, чтобы говорить при Уле.

Он старался ничем не обижать жену. Жаль, что не всегда получалось.

– Съезжу, – поговорив с Никой и отключая телефон, сказал он. – Думаю, что ненадолго.

– Да какая теперь разница! – Уля сразу сделалась грустной и обиженной, он очень ее жалел. – Ты даже забрать меня не сможешь! Не поедем же мы назад на двух машинах.

– Потерпи, малыш, – попросил Данила. – Форс-мажор, ты же понимаешь. Буду успевать, приеду за тобой на автобусе или такси возьму, а вернемся на твоей машине. Ладно, зайка?

Уля печально отвернулась, сунула грязные тарелки в посудомоечную машину. Он быстро ретировался, чтобы не видеть обиженного лица жены.

Сегодняшняя пятница была нерабочей из-за каких-то переносов праздничных дней. Эти переносы только путали людям планы, но государственные мужи упорно заботились о народе таким своеобразным способом. Впрочем, длинные выходные, наверное, позволяли кому-то съездить среди зимы на теплое море. Скорее всего, тем же государственным мужам.

Обычно по выходным Данила отвозил жену в собачий питомник, ждал ее час-полтора, дольше Уля там не задерживалась, и вез назад. Он любил эти поездки. Летом вообще было отлично, Данила ложился на травку и блаженствовал. Когда холодало, просто прогуливался по окрестностям, а зимой или в дождь терпеливо сидел в машине. Пожалуй, это было единственное время, когда его никто не дергал, когда можно было собраться с мыслями или, наоборот, отключиться от надоедливых мыслей.

Питомник был Ульяниной страстью. Данила с жуткими мытарствами выбил ей небольшой участок почти сразу за Окружной, долго согласовывал бумаги с санэпидемслужбой, за одно лето построил небольшой домик для персонала и вольеры для собак.

Участок находился рядом с деревней. Деревенские такому соседству рады не были, и Даниле стоило приличных денег утихомиривать их возмущение.

Чертов питомник вообще сжирал кучу денег.

– Уленька, я пошел. – Быстро одевшись, он обнял жену, постоял, уткнувшись в пушистые волосы.

– Ты точно ненадолго? – Слава богу, большой обиды на этот раз не случилось.

Когда Уля обижалась, он искренне переживал. Не за себя, за нее. Ему становилось очень ее жалко.

– Точно, малыш.

Хоть за ночь и потеплело, зима не собиралась отступать. Данила включил печку, пожившись на пока еще холодном сиденье.

Уля обожала собак. Кошек она обожала тоже, но с кошками было гораздо больше проблем. Держать животных постоянно в клетках Уля не хотела, животным нужно двигаться, а выгуливать кошек куда как сложнее, чем собак. Во всяком случае, жена так считала.

Москва оказалась почти пустой, до дома Кирилла он добрался быстрее, чем ожидал. Он давно здесь не был. Когда Кирилл жил с Никой, Данила с Сашей приходили к ним часто, а когда Ники не стало, – считанные разы. Казалось бы, должно быть прямо наоборот, женщины мешают мужским компаниям.

– А где Ника? – удивился Данила, заглянув однажды к другу. Данила тогда случайно оказался рядом, вот и зашел.

Он до сих пор удивлялся, как заметил тогда кардинальное отсутствие жены друга. Вроде бы Никины вещи и раньше не мозолили ему глаза.

Кажется, удивило отсутствие очередного Никиного рисунка. Ника любила рисовать и вешала в прихожей на один и тот же гвоздик очередную картину. Прежняя пропадала бесследно.

Наверное, рисовала Ника неважно, она, по ее же словам, рисованию училась очень недолго, но картины Даниле нравились. Лизе тоже, однажды Лиза даже попросила Нику подарить ей очередной пейзажик. Правда, Данила не помнил, ушла ли Лиза с подарком.

– Ники здесь больше нет, – засмеялся тогда Кирилл. – А что? Ты соскучился? Могу дать телефончик.

– Телефон у меня есть. – Даниле стало противно. – Ты же сам мне его давал. Помнишь? Когда мы должны были на вокзале встретиться, а у тебя мобильник садился.

– Ну так позвони, если скучаешь.

– Вы разошлись, что ли? – догадался Данила.

– Ну ясное дело, что разошлись! Все! Хватит! – Кирилл залпом выпил вискарь, который в тот раз принес Данила.

– Кирюх, а она ведь девка хорошая, – не отставал Данила, тоже допив виски.

– Послушай, что я тебе скажу. – Друг приблизил к Даниле лицо. Он тогда заметно опьянел, даже глаза показались Даниле бесцветными. – Никогда не женись на хорошей девке! Помрешь от скуки.

Даниле тогда стало очень жалко друга.

Потом он Кирилла не жалел.

Потом он его ненавидел.

Из подъезда выбежали две молоденькие девчонки, Данила придержал им дверь. Одна поскользнулась на ступеньках, но на ногах удержалась, засмеялась. Неожиданно Данила показался себе почти стариком. Чувство было незнакомое и пугающе грустное. Не так уж часто он виделся с друзьями, а теперь внезапно почувствовал себя совершенно одиноким, как будто перенесся в чуждый, незнакомый и враждебный мир. Захотелось плюнуть на все, поехать с Улей в питомник, посидеть одному в машине.

«Закончу все поскорее, – решил он, нажимая на кнопку звонка. – Побуду здесь часик и уеду».

Есть не хотелось, но Федор заставил себя дожевать мясо. Мать поставила перед ним кружку с чаем, подвинула вазочку с конфетами.

– Не будешь успевать, ничего страшного, – предупредила Светлана Анатольевна. – Я спокойно вызову такси. Только позвони за час, не позже.

– Я успею, – пообещал Федор. Допустить, что мать одна поедет в аэропорт он не мог.

Мать сильно сдала, когда выяснился диагноз отца, и совершенно потерялась после смерти племянника. Раньше она была уверенной, веселой, острой на язык, иногда даже злой. На язык злой, в смысле.

А теперь смотрела на Федора измученными усталыми глазами.

– Я прекрасно доеду одна. Лизе ты нужнее.

Он не стал отвечать. Допил чай, быстро оделся, крикнул, что уходит, и сбежал вниз по лестнице.

Лизу ему было жалко до смерти.

Раньше мать Лизу недолюбливала. «Это ненормально, – возмущалась мама, – когда такая молоденькая девочка живет у парня».

Вообще-то, Лиза тогда еще у Сашки не жила, просто они все время были вместе. Только на ночь расставались.

«Что же тут ненормального? – смеялся отец. – Молодые влюблялись, влюбляются и будут влюбляться всегда».

Мама фыркала, злилась, называла поведение Лизы распущенностью. Ругала семью, которая совсем не следит за девочкой.

На самом деле мать просто очень беспокоилась за Сашу. Федор оснований для таких переживаний не видел ни тогда, ни сейчас. Грустно, конечно, что тетя Вера, Сашкина мама, так рано умерла, но ведь Саша к тому времени был совсем взрослым парнем.

Мать боялась, что Лиза «окрутит» Сашу. Родит ребенка, а Сашенька потом всю жизнь будет мучиться.

«Теперь вот ни Сашки, ни ребенка», – неожиданно зло подумал Федор, садясь за руль.

Двоюродного брата он видел нечасто, разве что на семейных праздниках, и в остальное время о нем совсем не вспоминал. В детстве бегали вместе во дворе, конечно, а потом только перезванивались иногда и изредка встречались. Странно, что Сашкина смерть потрясла Федора, пожалуй, сильнее, чем папина болезнь. Наверное, потому что победить болезнь шанс есть, а со смертью ничего не сделаешь.

– Лиза, ты спустишься или мне подняться? – позвонил он Сашиной жене, паркуясь около подъезда. То есть вдове позвонил.

– Спущусь.

Лиза появилась через минуту, и ему стало совсем тоскливо – двигалась Лиза как столетняя старуха. Не то чтобы медленно, а как-то тяжело, нескладно. Смотреть на это было невыносимо.

Она назвала адрес. Кабинет находился в десяти минутах езды.

По дороге Лиза молчала, и он молчал тоже. Жизнь изменилась сразу и кардинально, и сейчас ему не верилось, что еще неделю назад он был совершенно свободным человеком. Даже несмотря на папину болезнь. Врачи утверждали, что все будет хорошо, и он старался этому верить. С папой все будет хорошо, родители будут звонить ему раз в несколько дней, как и раньше, он будет много и с удовольствием работать, а в свободное время встречаться с Настей или пить пиво с приятелями и понимать, что впереди еще вся жизнь.

Но теперь он не был свободным, пока Лиза шаркает ногами, как старуха.

Чувство называлось долгом. Федор его никак не называл, только понимал, что бросить Сашкину жену не сможет. По крайней мере, пока она не переживет свое горе.

Кабинет оказался крошечной двухкомнатной квартиркой с кушеткой, какими-то приборами на тумбочке и двумя письменными столами. Один Сашин – докторский, другой для медсестры, догадался Федор. На каждом столе лежало по ноутбуку.

Федор обвел глазами стены, на стенах висели календари и пейзажи-фотографии. Наверняка медсестра постаралась, приукрасила помещение, Саша вряд ли стал бы с этим возиться. Календари и фотографии Федор снимать не стал.

Лиза сразу схватила оба компьютера, прижала к себе, как будто все остальное ее не интересовало.

– Подожди, – остановил ее Федор. – Положи компы, давай уж все отсюда увезем.

Мусорные мешки он нашел на кухне. Мешки были небольшие, но крепкие, с завязками.

Он положил в мешок приборы с тумбочки, в другой мешок сунул содержимое ящиков Сашиного стола, в третий – содержимое стола медсестры. У медсестры имущества было мало, только косметичка и круглое зеркало с треснутой рамкой. У брата стол оказался завален лекарствами.

Лиза опять прижала к себе оба ноутбука, словно боясь выпустить из рук.

– Дай мне. – Он осторожно отнял у нее компьютеры. – Уронишь еще.

Она неохотно разжала руки, постояла, обняв себя за плечи.

Он не сможет ее бросить, пока она обнимает себя за плечи, словно не понимая, где и зачем находится.

В машине Лиза опять прижала к себе ноутбук, но на этот раз только один, Сашин. Второй остался лежать на заднем сиденье.

Вцепилась в ноутбук, как будто от него зависела чья-то жизнь.

– Ты собиралась позвонить медсестре, – напомнил Федор, просто чтобы что-то сказать. – Позвонила?

– Она еще не приехала, наверное. Телефон не отвечает, – неохотно разжала губы Лиза.

– Может, тебя к родителям отвезти? – предложил он.

– Нет. Ты не беспокойся, Федор, со мной все в порядке.

Что еще предложить, он не знал. Отнес в кладовку вещи из машины, потоптался, предложил сходить за продуктами. Лиза от помощи отказалась, заверила, что еда у нее есть, и он уехал.

Компьютер медсестры, забытый на заднем сиденье, Федор обнаружил, только припарковавшись у собственного дома. Оставить его в машине не рискнул и отнес домой.

Едва ли что-то можно было изменить, но он потом долго не мог себе простить, что не проявил настойчивости и не выяснил у Лизы все, что могло иметь отношение к Сашиной смерти.

О том, чтобы разместить все имущество Кирилла в машине Данилы, не могло быть и речи. Помимо одежды, постельного белья и массы мелочей, была еще посуда, книги. Какую-то посуду им дарили, какую-то покупала еще Ника. Новой не прибавилось.

Женских вещей в квартире было мало, но они были: махровый халат в ванной, тапочки в прихожей, щетка для волос на полочке в ванной. Наверное, еще зубная щетка, потому что щеток в белом стаканчике было две. Стаканчик тоже когда-то покупала Ника, и стоил он дорого. Так дорого, что она даже не сразу решилась его купить.

– Надо грузовое такси вызывать, – решил Данила, доставая телефон.

Хорошо, что он вызвался ей помочь, одна Ника точно не справилась бы.

Пока ждали такси и грузчиков, Ника достала большой чемодан, начала складывать в него одежду бывшего мужа. Прикасаться к одежде было неприятно, как будто она хозяйничала сейчас в чужой квартире без ведома хозяев. Впрочем, так оно и было.

– Мне было жалко, что вы разошлись, – неожиданно сказал Данила.

Он тоже не сидел без дела, связывал книги в стопки. Повезло, у Кирилла нашелся моток веревки.

Ника не ответила. Ей тоже когда-то было очень жалко, что они с Кириллом разошлись.

– С тобой он добрее был, – не отставал Данила. – Это все заметили, и я, и Сашка. Без тебя у него шутки злее стали. Ты на него хорошо влияла, по-доброму.

Ника опять промолчала. У Кирилла и при ней были злые шутки. Например, знал, что Лиза ревнует Сашу, хотя она старалась этого не показывать, и не упускал случая поддеть жену друга. Что-то часто муженька дома по вечерам не бывает, а, Лиза? Кирилл смеялся, ему было весело. Саша работал много, ездил к больным и по вечерам, и даже ночью.

«Перестань, – просила мужа Ника. – Они хорошая пара и любят друг друга».

Лиза в таких случаях бледнела и едва сдерживала слезы, и Нике было ее очень жалко.

Себя надо было жалеть, а не Лизу. У Лизы все было хорошо.

Правда, у Лизы сейчас все плохо.

– Ты давно женился? – Разговор как-то надо было поддерживать, и ничего лучшего Ника спросить не догадалась.

– Давно.

– У тебя очень хорошая жена.

– Мне тоже так кажется.

Здоровяк Данила всегда казался ей мягким и робким. Говорил мало, улыбался застенчиво. Саша тоже говорил мало, особенно в сравнении с веселым болтуном Кириллом, но в Саше чувствовалась скрытая сила. Сашу Кирилл задирать никогда не пытался, а над Данилой посмеивался.

«Не лезь ты в бизнес, – смеялся Кирилл, когда Данила рассказывал, как трудно организовать фирму. – Посадят тебя, и все дела. В бизнесе другой характер надо иметь. Работай наемным, как все. Целее будешь».

На самом деле Кирилл Даниле завидовал. Ника это знала, хотя муж никогда с ней не откровенничал. Кирилл хоть и занимал высокую должность, положение имел подчиненное, и это его угнетало. Ему хотелось быть хозяином, как Данила.

– Как твоя фирма?

– Держимся пока.

– Успехов тебе! – пожелала Ника.

– Спасибо. Комп себе возьмешь? – Данила взял в руки ноутбук Кирилла.

– Елене Сергеевне отдам. Зачем он мне? – Ника пожала плечами.

У нее свои компьютеры есть, она профессиональный программист.

– Я бы взял, – решил Данила. – Просто как память о Кирюхе.

– Попроси у Елены Сергеевны.

Данила подержал ноутбук в руках, как будто оценивал, открыл. Ника села на стул рядом, Данила захлопнул ноутбук, подвинул ей, отвернулся.

Почему-то Нике показалось, что Кириллов комп Данилу интересует, и он не рад, что она толчется рядом. Впрочем, ей нет дела до них обоих.

Позвонили в дверь, Ника открыла грузчикам. Два молодых веселых парня свое дело знали, бережно и быстро упаковали все в строительные мешки и какие-то коробки, она только показывала, что нужно брать. Спасибо Даниле, сама она не догадалась бы вызвать грузчиков и возилась бы несколько дней.

Данила скучал, сидя на диване, Ника несколько раз уговаривала его ехать по своим делам, но он не уезжал, терпел. Наверное, именно так представлял себе истинную дружбу.

Она напоследок обошла комнаты, осмотрела шкафы, заметила валяющуюся под столом флешку, повертела ее и сунула в карман. Больше от ее бывшего мужа в квартире ничего не осталось.

Наконец машина с грузчиками поехала к дому Елены Сергеевны, а Данила повез Нику следом.

Когда Ника поднялась в квартиру свекрови, вещи Кирилла уже лежали посередине большой комнаты.

– Ника! – Свекровь ошарашенно переводила глаза с Ники на мешки. – Что же это такое?

– Сейчас все разберем, Елена Сергеевна, – успокоила Ника, жалея, что Данила подниматься к матери Кирилла не стал, уехал.

Друг свекрови, по-видимому, куда-то вышел, не бросился успокаивать женщину.

Ника отодвинула чемодан с одеждой Кирилла, развязала первый мешок, начала доставать переложенную целлофановыми мешками посуду. Куда ее ставить, она не знала, и просто складывала на пол.

– Зачем мне это? – Свекровь на посуду почему-то смотрела брезгливо.

Она сидела на диване и даже не делала попытки помочь.

Вообще-то, посуда была неплохой, китайский сервиз Елена Сергеевна сама дарила Кириллу и Нике на свадьбу. Когда-то сервиз Нике очень нравился.

Ника промолчала и неожиданно почувствовала, что подступают слезы. А куда она, по мнению свекрови, должна все это деть?

– Почему ты не отвезла посуду к себе? – Елена Сергеевна опустила в кресло, достала платок, промокнула глаза.

– Елена Сергеевна. – Ника постаралась напомнить помягче. – Мы с Кириллом разошлись три года назад.

Сервиз действительно нужно было куда-то пристроить. Ника открыла буфет, кое-как всунула туда тарелки, подвинув все остальное.

– Так нельзя было поступать, Ника, – печально и укоризненно сказала свекровь. – В жизни всякое бывает, нужно уметь терпеть. Нужно прощать и понимать друг друга.

Ника приступила к следующей коробке, бумаги и ноутбук сложила на круглый обеденный стол.

– Данила хотел взять компьютер.

– Так почему ты не дала? – нахмурилась свекровь.

– Потому что это не моя вещь, – не сдержалась Ника. Зря не сдержалась, Елена только что потеряла сына.

– Ника! – Свекровь покачала головой и заплакала. – Ну как ты можешь! Кирюша твой муж!..

Ее муж выгнал ее три года назад. От воспоминания начало подташнивать, а Ника считала, что благополучно пережила то печальное событие.

– Люди не всегда вольны в своих чувствах. Кирилл не виноват, что снова увлекся Машенькой. Понимаешь, Ника, он не виноват! Он ничего не мог с собой поделать! Машенька его первая любовь. Она тогда только что вернулась из-за границы. Нужно уметь понимать и других людей, не только о себе думать...

– Елена Сергеевна! – Не глядя на свекровь, Ника быстро доставала чужое имущество. – Кирилл меня выгнал. Я понятия не имею, кто такая Машенька.

«Маша? – говорил Кирилл в трубку тем утром, когда она в последний раз была счастливой. – Давно приехала?»

Ника тогда не спросила, кто такая Маша, да он и не ответил бы. Он не терпел, когда лезли в его дела. Она тогда забыла про эту Машу, едва Кирилл положил трубку. Тем утром она точно знала, что Кирилл любит ее одну. И готов отдать за нее жизнь.

– О господи! Это просто девочка, в которую он был когда-то влюблен. Чувство снова вспыхнуло и прошло. Ты должна с пониманием к этому относиться.

– Я отношусь с пониманием. – Ника сломала коробки, чтобы занимали меньше места, сунула мусор в строительный мешок. Придется выбросить по дороге. – В чемодане одежда Кирилла.

– Нужно отнести в храм.

– Хорошо. – Везти домой вещи бывшего мужа не хотелось до смерти. – Пусть пока у вас лежат.

Не сию же секунду она должна нести вещи в храм. Сначала нужно узнать, когда и кому их можно отдать.

Быстро, пока свекровь не навязала ей чемодан с вещами, Ника ухватила мешок с мусором, торопливо отнесла его к входной двери.

Громоздкие вещи – дубленка, куртки, лежали в последней коробке, которую Ника даже не открыла. Как-то неправильно она ведет себя со свекровью, но желание исчезнуть отсюда было совершенно непреодолимым.

– Спасибо! – Она обидела свекровь. Елена Сергеевна проводила ее равнодушным взглядом, как курьера, доставившего заказ.

– Не за что.

Ника подхватила мусорный мешок и с облегчением закрыла за собой дверь.

Совість подсказывала, что она поступила с несчастной матерью, потерявшей сына, недопустимо, но Ника постаралась совесть не слушать.

С ней когда-то тоже поступили недопустимо.

Уля еще не успела уехать из питомника.

– Дождись меня, – попросил Данила. – Сейчас такси возьму и приеду. Я около дома Кирилловой мамы.

– А машину где оставишь?

– Здесь.

– Ну... Не знаю... – Идея бросить машину в чужом районе Уле не понравилась.

– Я сейчас приеду, – проявил твердость Данила и быстро отключился.

На душе было противно. Он очень жалел Лизу, жалел Елену Сергеевну и даже Нику, которая старательно делала вид, что все происходящее ее совершенно не касается. А если она что-то и делает, то это чистая благотворительность.

Ника сильно изменилась за прошедшее время. Раньше была веселой молоденькой девчонкой, смешливой, остроумной, а теперь плотно сжатыми губами напоминала строгую учительницу. Не потому что одета как-то не так или причесана слишком строго, а непонятно почему. Ей бы в политику податься, там таких много.

А причесана она, кстати, совсем не по-учительски, непослушные волосы выбиваются из стрижки и торчат во все стороны.

Машина с шашечками пришла быстро, через семь минут. Данила прогуливался по двору, ощущая, как неумовимо пахнет приближающейся весной. Двор изменился. Раньше здесь не было огороженных газонов, не было детской площадки с разнообразными качелями. Они собирались у лавочки, стоявшей в центре двора, курили тайком, трепались о чем-то. Это когда в школе учились. Вообще-то, во дворе Кирилла они тусовались редко, в основном у Сашки. Удивительно, но всю их компанию притягивал к себе не весельчак Кирилл, а Саша, который и улыбался-то редко. Если бы не отличные физические данные, Сашу вполне можно было бы назвать ботаником. Учился приятель всегда отлично, анекдотов с матом не рассказывал и за неприметной Лизой ходил как привязанный.

Впрочем, компания была небольшой – он сам, Кирилл, да еще пара ребят, с которыми сейчас Данила почти не виделся.

Таксист ехал медленно, Данилу это раздражало. Сам он правила не нарушал, но и не плелся как новичок.

– Сейчас налево, – подсказал Данила, поворот к питомнику был почти незаметен.

Уля ждала на улице, заулыбалась, побежала, увидев, как он вылезает из машины.

– Я тебя очень люблю, – обнимая жену, шепнул Данила.

Недавняя тоска прошла сразу. Пока Уля бежит ему навстречу, ему нечего бояться в этой жизни.

– Я тебя тоже люблю. – Жена чмокнула Данилу в щеку, засмеялась, потянула за руку. – Пойдем, посмотришь, как выросла Муся.

По его представлениям, Муся была сущим уродом. Он вообще маленьких собак не любил и назначения их не понимал. Если собака друг и охранник, это понятно, а если кому-то хочется тискать крохотных уродцев, купили бы себе игрушку.

В клетке Муси, собачонки здорово напоминающей крысу, помимо миски с водой, валялись детские плюшевые игрушки. Не самые дешевые, между прочим.

– Выросла, правда? – Уля смотрела на мужа счастливыми глазами.

– Правда, – согласился Данила.

Муся лениво повиляла хвостом. Хвост был точно как у крысы.

Уля побежала к тетке предпенсионного возраста, неприметно сидевшей на стуле около двери, Данила тетку даже не сразу заметил. Жена принялась давать указания, тетка кивала, ласково на нее глядя. Данила был абсолютно уверен, что указаний женщина выполнять не станет. Вообще-то, питомник, помимо беспокойства, давал деревенским и выгоду. У Ули работали то ли три, то ли четыре тетки, которые никогда бы не нашли работу рядом с домом. Сейчас вообще работу найти трудно, это Данила знал лучше других.

Наконец Уля простилась с ласковой теткой, женщина кивнула в последний раз, и Данила сел за руль машины жены.

– Давай машину около нашего дома поставим и съездим за тобой, – слегка нахмурилась Уля, усаживаясь рядом.

– Я и один могу съездить.

– Не надо. Я хочу с тобой.

Даниле долго не верилось, что нежная, воздушная Уля по-настоящему ему радуется. Он и сейчас считал это незаслуженной божьей милостью.

Жена весело и озабоченно рассказывала про Мусю, про других собак, он ее почти не слушал, но волнения и тревоги последних дней отступили, ему было спокойно, уютно.

Оставить Улю дома не удалось, поэтому к машине Данилы они приехали на такси.

– Как Елена Сергеевна? – озабоченно спросила Уля, подняв глаза куда-то вверх. Окна квартиры Кирилловой матери выходили на противоположную сторону, но Данила этого не сказал.

– Я к ней не заходил, вещи грузчики отнесли.

– Дан! – всерьез огорчилась Уля. – Ну как так можно?

Жена уже взялась за дверь машины, но замерла, укоризненно покачивая головой.

– Давай сейчас к ней зайдем!

– Без звонка? – вздохнул Данила.

– А ты ей позвони!

Он послушно достал телефон, набрал городской номер. Лет пятнадцать звонил Кириллу только на мобильный, а номер помнил.

– Елена Сергеевна, – быстро проговорил он, когда женщина ответила. – Это Данила. Мы сейчас рядом с вашим домом. Вам ничего не нужно?

– Данила! – Елена Сергеевна вздохнула. – Ну конечно, мне нужна помощь. Ты не очень занят?

– Я совсем не занят, – заверил он. – Мы с Улей сейчас поднимаемся.

– Ну что я тебе говорила? – засмеялась Уля и бросилась к подъезду. Данила даже не сразу ее догнал.

Елена Сергеевна почему-то открыла им не сразу, пришлось даже позвонить в дверь повторно.

Уля, не дожидаясь приглашения, быстро шагнула в квартиру, обняла женщину, отпустила. Получилось правильно, Елена Сергеевна посмотрела на его жену ласково.

– Заходите, – повернувшись, хозяйка пошла в комнату.

Данила подхватил куртку жены, скинул свою, повесил на вешалку.

– Ника привезла все и бросила! – кивнула хозяйка на чемодан Кирилла и большую коробку. – Лучше бы совсем не привозила!

– Мы вам поможем. – Уля быстро открыла коробку, заглянула внутрь.

– Кирюша любил хорошие вещи. – Елена Сергеевна села в кресло. – А отдать некому. Я думаю, нужно в храм отнести.

– Правильно! – воодушевилась Уля. – Сейчас так много обездоленных.

Вообще-то, особо обездоленных Данила не знал, разве что рабочие из Средней Азии, но у жены было свое мнение.

– Данила! – Хозяйка села на диван, откинулась на спинку. – Принеси мне воды из кухни.

Данила послушно отправился на кухню, заглянул в холодильник, достал бутылку минералки, захватил стакан.

– Спасибо. – Елена Сергеевна плеснула себе воды, отпила, поставила стакан и бутылку на стол.

– Мы сейчас все это можем отнести в машину, – предложила Уля. – А я завтра же постараюсь вещи пристроить. У меня одна подруга как раз занимается помощью бедным.

– Нет, – решила Елена Сергеевна. – Пусть пока Кирюшины вещи здесь лежат. А ты, как договоришься, позвони мне.

– Конечно, – кивнула Уля. – Завтра же договорюсь. И сразу позвоню.

– Как хорошо, что вы у меня есть, Данила, – благодарно посмотрела на него женщина. – А Ника... Я просто удивляюсь! Привезла вещи, бросила и убежала! Как будто одолжение делает!

– Люди бывают разные, – заметила Уля. – Это на ее совести.

– А я всегда так хорошо к ней относилась! – Теперь Елена Сергеевна с благодарностью смотрела на Улю. У жены был редкий дар мгновенно вызывать к себе симпатию. – Это же я сказала Кирюше, что он должен жениться на этой девочке.

Данила сомневался, что друг женился только потому, что мама посоветовала. Давить на себя Кирилл никому не позволял. Сам любил на других давить.

– Господи, как я ошибалась! – Елена Сергеевна достала платок, промокнула глаза. – Лучше бы он женился на Машеньке! Был бы сейчас жив! Ты помнишь Машу, Данила?

– Помню.

– Им не следовало расставаться, Маше и Кирюше. Она ведь приходила ко мне несколько лет назад. Как раз перед Восьмым марта. Мы с ней посидели, поговорили, я дала ей телефон Кирюши. Я думаю, они тогда встретились просто как хорошие друзья, а Ника сразу же Кирюшу бросила! Жестокость в женщине – это так страшно! Тебе повезло Данила, тебе это не грозит. – Елена Сергеевна снова ласково посмотрела на Улю.

Негромко хлопнула входная дверь, показался хозяйкин друг, кивнул молодым людям, озабоченно спросил:

– Как ты, Леночка?

Уля незаметно дернула Данилу за рукав, он послушно попрощался с хозяйкой, а Уля Елену Сергеевну поцеловала.

– Кто такая Маша? – едва дверь закрылась, шепотом спросила Уля.

Данила улыбнулся, глаза жены горели большим любопытством, и это было забавно.

– Она училась с нами. – Данила толкнул дверь подъезда, пропустил жену. – У Кирилла с Машкой любовь была. Но потом она вышла замуж за другого. И еще раз вышла замуж за другого.

– А Кирилл? Он страдал? – от любопытства Уля даже пританцовывала.

Данила не удержался, чмокнул ее в нос, подтолкнул к машине.

– Не припоминаю. – Представить себе страдающего Кирилла Данила не мог при всем желании. Обычно от шуток друга страдали другие.

– Значит, Ника бросила Кирилла из-за Маши?

– Понятия не имею. Пристегнись, – велел Данила жене. Уля послушно защелкнула ремень. – Думаю, он сам Нику выгнал.

– Почему?

– Потому что она была молоденькой дурочкой, смотрела на него, как на икону. Сама бы Ника от него не ушла.

Думать о работе не хотелось, но дома он все-таки сделал несколько звонков. Выходные выходными, но допускать четырехдневного простоя Данила не мог.

– Мне придется отъехать ненадолго, – пришлось расстроить жену. – Я постараюсь быстро, Уляш, правда.

– Дан! Сегодня **выходной**! – Он испугался, что Уля сейчас заплачет.

Вот пройдет тяжелая полоса, и он начнет уделять жене все свое время.

– Мне правда надо, Уляша. Ты же знаешь, мы работаем без выходных. Я ненадолго.

Она отвернулась, насупилась, Даниле было очень ее жалко. Но ехать действительно необходимо, и, сбегаив вниз по лестнице, Данила знал, что это и есть счастье, когда Уля расстраивается от того, что он уезжает от нее на пару часов.

Ей сразу нужно было заняться Сашиним компьютером. Лиза понимала, что потеряла массу времени, отдавшись своему горю. Про съемную квартиру, которую муж использовал как врачебный кабинет, она полиции не рассказала. Не рассказала и потому, что к слову не пришлось, и потому, что принимать больных в жилом доме было нельзя. Такую деятельность нужно согласовывать с санэпидемстанцией и еще бог знает с кем, а на бумажную волокиту уходит масса времени и денег, и овчинка перестает стоить выделки.

И про Варю не рассказала, потому что официально Саша на работу ее не оформлял, а деньги платил в конверте. То есть без конверта, несколькими купюрами. Наверное, у девочки могли быть неприятности, а неприятностей Лиза даже сейчас никому не хотела.

Всю информацию о больных, которую заносил в кабинете, Саша всегда дублировал на домашнем компьютере, и домашний компьютер Лиза отдала полицейским сразу. Скорее даже не отдала, а навязала, полиция тогда еще предполагала, что Кириллу и Саше просто продали некачественный алкоголь. Это через несколько дней стало ясно, что отравлена была бутылка коньяка. В коньяке было немереное количество снотворного, несовместимого со спиртным.

Бутылка появилась в доме дня за три до мальчишника. Стояла рядом с Сашиним компьютером, Лиза тогда покрутила ее в руках, вернула на место и засмеялась.

– Подарок?

Больные часто дарили мужу спиртное.

– Вроде того. – Саша как раз переносил с флешки в комп результаты прошедшего рабочего дня – диагнозы, назначения, собственные не до конца оформившиеся предположения. – Это Кириллу на день рождения. Не мешай, я занят.

Лиза не спросила тогда, откуда взялась бутылка, и поэтому теперь не знала, кто убийца.

Имена и фамилии больных, которых Саша принимал в последнюю неделю, ни о чем ей не говорили. Диагнозы тем более. Вообще-то, Саша часто рассказывал о своих больных. «Ты знаешь, – смеялся он, – сегодня приходила дама весом в центнер. У нее аритмия. Я ей посоветовал есть ровно в два раза меньше. По-моему, она обиделась».

«Я бы тоже обиделась, – возмущалась Лиза. – К тебе идут за помощью, а ты издеваешься. Дама не виновата, что у нее такой обмен веществ».

«Виновата, – серьезнел Саша. – Дети не выбирают себе родителей, а все остальное в жизни мы выбираем сами. И еду, и образ жизни».

«Саш, – пыталась объяснить Лиза, – не все такие, как ты. Не все сильные».

Себя Лиза сильной не считала. Сильной она должна стать теперь. Она должна вырастить малыша и найти убийцу мужа.

Лиза подошла к портрету, постояла, глядя на Сашу. Зазвонил городской телефон, Лиза неохотно взяла трубку.

– Лиза! – Варю она узнала не сразу. – Лиза, я только приехала. На вокзале еще. Я сейчас домой заеду и сразу к вам, хорошо?

– Спасибо, Варенька. – Лиза подошла к портрету, показала Саше трубку – это Варя. – Я хочу отдать тебе зарплату. Когда сможешь, тогда и приезжай. Только позвони обязательно, меня может не быть дома.

– Я сегодня приеду. Вещи только домой закину. Вам, наверное, помощь нужна?

Помощь Лизе была не нужна. Ей никто не сумеет помочь.

А поговорить с Варей необходимо.

– Спасибо, Варенька, мне ничего не нужно, а за деньгами приезжай.

Лиза вернулась к компьютеру, опять принялась вглядываться в записи, с тоской понимая, что извлечь что-то из этих данных не в состоянии. Пожалуй, в этом Варя точно может помочь.

Захотелось пить. Лиза посмотрела на часы, давно пора пообедать. Достала из морозилки коробку с готовым мясом, сунула в микроволновку.

За окном на грязном февральском снегу топтались две вороны. Одной бог что-то послал, она трясла головой, держа в клюве непонятную находку, вторая поглядывала на первую неодобрительно. Едва ли господь расщедрился и одарил ворону сыром, потому что птица бросила божественный подарок и, возмущенно каркая, улетела. Вторая умчалась следом.

Прошлой весной вороны построили гнездо прямо напротив их окна. Саша пытался новых соседей отогнать, предполагая, что птенцы не будут давать спать, а Лиза ему помешала. Птенцы действительно донимали их весь июнь, Саша ворчал, а она раскаивалась в собственной добродетели. Впрочем, ворчал Саша не всерьез, всерьез он никогда на Лизу не злился.

Микроволновка звякнула, Лиза принялась впихивать в себя еду.

Опять зазвонил городской телефон, Лиза услышала недовольный голос Федора.

– Почему у тебя мобильный выключен? Я... – Федор отчего-то напомнил ей Сашу, – беспокоюсь.

– Разрядился, наверное. Сейчас поставлю заряжать.

– Ты как вообще?

– Ничего. Варя должна сейчас приехать. Проводил маму?

– Мы сейчас в аэропорту. Приехать к тебе потом?

– Не нужно, – отказалась Лиза. – Отдам Варе деньги и лягу спать.

– Если что потребуется, сразу звони.

– Обязательно. Спасибо тебе. Да, – спохватилась Лиза. – Маме привет передай.

Мобильный действительно оказался разряжен, Лиза подключила его к сети, задержалась у портрета и снова уселась за компьютер.

Время шло, ей стало казаться, что она выучила Сашины записи последних дней наизусть. Только они не несли для нее никакой информации. Без Вари точно не обойтись.

Лиза посмотрела на часы – девушка давно должна была приехать, и пожаловалась портрету:

– Варя не едет и не звонит. Она такая необязательная?

Ей показалось, что Саша удивился. Варя отличалась редкой аккуратностью. Лиза знала, муж был доволен, что она нашла ему отличную помощницу.

Лиза освободила телефон от зарядки, позвонила Варе – телефон не ответил. Потом она звонила каждые несколько минут и слушала длинные гудки.

До вылета оставалось еще больше часа. Федор, просто чтобы убить время, взял кофе себе и матери, неохотно пил его маленькими глотками.

– Иди, Федя! – в который раз повторила Светлана Анатольевна. – Иди, ну что тебе здесь болтаться.

Он и сам не понимал, почему не уходит. Вещи уже сдали в багаж, к тому же чемодан вовсе не был тяжелым.

– Мам, как ты думаешь, – помолчав, спросил он, – все обойдется?

– Конечно, – твердо сказала Светлана Анатольевна.

Мать не сомневалась, что с отцом все обойдется. Знакомые ахали, услышав страшный диагноз, а она аханья прерывала. Вообще-то, Федор всегда считал мать слабой, раньше она пугалась, когда у него или у отца начинался банальный грипп. Она плакала над сериалами, папа над ней подшучивал, Федор тоже. Раньше она могла себе позволить слабость, теперь все изменилось.

– Помогай Лизе.

– Конечно.

Наконец мать прошла пограничный контроль, он помахал ей в последний раз и вышел из здания аэровокзала. Машин по направлению к Москве было мало, в городе пробок тоже не было, и до дома он добрался быстро. Хотелось отключиться от муторных хлопот, навалившихся на него в последние дни, поваляться с планшетом в руках, протягивая руку к стоявшей рядом на полу бутылке пива. Он так и сделал, улегся, посмотрел почту, но тут же отложил планшет в сторону.

Не будет ему покоя, пока Лиза не перестанет смотреть на мир сквозь непрерывно льющиеся слезы. Лиза слез не замечала, только машинально постоянно вытирала глаза, но он-то не замечать не мог.

– Ты как, Лиза? – Федор опять набрал ее номер. На этот раз мобильник ответил. В трубке слышался шум. – Ты где?

– В метро. – Шум сделался оглушительным, не иначе как поезд проехал.

– Послушай, – недовольно произнес он. – Ну я же просил тебя звонить, если что-то нужно.

Очень не хотелось снова выходить из дома, но он начал одеваться, даже не закончив разговора.

– Федор. – Лиза слегка задыхалась. – Днем должна была приехать Варя, но не приехала, и телефон у нее не отвечает. А городского номера я не знаю, он у Саши не записан. Я хочу съездить к Варе домой. Адрес я у Саши нашла.

– Говори! – обреченно велел Федор. – Адрес говори!

Лиза назвала улицу. Район был ему знаком, когда-то там жил приятель, с которым он занимался в секции дзюдо. Впрочем, приятель мог и сейчас там жить, Федор не видел его со школьных времен.

– Выйдешь из метро и стой на месте. Выход вперед по ходу поезда, – прикинул он. – Я тебя подхвачу. Ты сейчас на пересадке?

– Да, – подтвердила Лиза.

Ее нужно показать врачу, она говорила так, как будто только что пробежала стометровку.

– Прошу тебя, никуда не уходи. Дождись меня.

– Обязательно. Спасибо, Федор.

Москва была почти пустая, но ждать Лизе пришлось минут пятнадцать, не меньше. Федор увидел ее сразу, она стояла, не шевелясь и наклонив голову, как символ безысходности. «Вот подлость-то, – с тоской подумал Федор, останавливаясь во втором ряду. – Подлю и неправильно вышло, что молодая женщина излучает горе, а брат Сашка не может ее утешить».

– Лиза! – крикнул Федор, открыв дверь. – Лиза!

Она услышала. Повертела головой, увидела его машину.

– Ты понимаешь, – быстро усевшись рядом, оправдывалась Лиза. – Варя очень ответственная девочка. Я беспокоюсь.

– А ее домашнего телефона у Саши не было? – сзади остановился черный джип, они мешали ему припарковаться.

– Я не нашла.

Федор тронул машину, освободил джипу проезд.

– Почему ты поехала на метро?

– Так... Пробки. И вообще... Голова кружится. Немного. Не хочется садиться за руль.

Отчего-то Лиза сразу была уверена, что Сашу отравили намеренно. Менты сомневались, а она повторяла как одержимая: – «Я найду убийцу. Я его найду».

Господи, если с девчонкой Варей, которую Федор никогда не видел, что-то случилось, Лизино предположение, пожалуй, верное.

Впрочем, с девчонкой может случиться все что угодно. Встретила любимого мальчика, например, и забыла обо всем на свете.

Слева показался квартал пятиэтажек, Федор свернул через сплошную, медленно поехал между домами.

Летом квартал наверняка утопал в зелени. Сейчас, в февральской вечерней темноте, в свете фонарей, висящих между домами, виднелись только частые стволы голых деревьев. Квартиры в хрущевках, подлежащих по недавнему заявлению мэра немедленному сносу, наверняка были отвратительные, но такого зеленого двора в новостройках не будет точно. И припарковаться у какой-нибудь двадцатиэтажки намного сложнее. Он бы сто раз подумал, прежде чем уезжать из малоэтажного квартала. Особенно если бы у него были семья и дети. Впрочем, о семье и детях Федор пока не думал, хотя родители считали, что давно пора.

Таблички с номерами домов и подъездов были аккуратно подсвечены. Федор прикинул по номеру квартиры нужный подъезд и не ошибся, если верить висевшей над дверью подъезда табличке с номерами квартир.

– Ну что, пойдём? – тяжело вздохнул он.

Кнопки домофона он нажать не успел, дверь открылась, из подъезда выглянула девчушка лет десяти, подозрительно их оглядела и отвернулась. Тут же с топотом по лестнице к ней скатилась другая девчушка, чуть постарше, и обе весело куда-то помчались.

– Зря родители выпускают детей одних в такую темень, – заметила Лиза.

– Им виднее. – Федор пропустил ее вперед, обошел, начал подниматься по лестнице. – Я недавно в Японии был, там дети по улицам ходят одни, у нас я давно такого не видел.

– У нас другая криминогенная обстановка.

Он не стал спорить. Его сверстников никто за ручку до пятнадцати лет не водил, и ничего – выросли.

– Подожди. – У самой двери Лиза его остановила. Достала из сумки очки с легким затемнением, надела, пригладила рукой волосы. Заплаканные глаза очки толком не скрывали, но вид у Лизы сделался более приемлемым. Не как только что с похорон. Впрочем, она и была только что с похорон.

Вся эта затея – являться к Варе домой, Федору не нравилась, но он послушно нажал кнопку звонка. Как ни странно, дверь открылась почти мгновенно. Веселая, вся какая-то кругленькая женщина весело им улыбнулась.

– Здравствуйте, – постаралась улыбнуться Лиза. – Простите, Варя дома?

– Нет, – женщина все так же мягко улыбалась. – Скоро должна прийти. Я думала, это она.

– Мы должны были днем встретиться, – объяснила Лиза. – Но не получилось.

– Да вы заходите, – спохватилась хозяйка, с любопытством переводя взор с Лизы на Федора. – Заходите, она скоро придет. Она к девяти всегда приходит. Или звонит, если задерживается.

– Нет, – отказалась Лиза. – Спасибо. Пусть она мне позвонит, как появится. Только обязательно. Меня Лиза зовут. Вы, пожалуйста, мой телефон запишите.

Это Лиза сделала правильно, решил Федор. Девочка Варя могла потерять мобильный.

Женщина потянулась к стоявшей в тесной прихожей тумбочке, достала ручку, записала продиктованный номер. Все это она делала весело и неторопливо, и чем-то напомнила Федору собственную бабушку. Наверное, волной спокойствия и уюта, почти осязаемо от нее исходившей. Бабушка умерла, едва похоронив дочь, Сашину маму. Федорову тетю.

– Может, зря не остались? – Это Федор спросил уже на улице.

– Нет, – покачала головой Лиза. – Если все нормально, нечего панику сеять. А если ненормально... Пусть еще счастливой побудет.

Очки она сняла и снова сделалась такой, как была. Наповал убитой горем.

Федор отвез ее домой, проводил до квартиры.

– Лиза, – задержался он в дверях. – Почему ты сразу была уверена, что Сашу убили намеренно? Ты что-то знаешь?

– У меня было плохое предчувствие. – Лиза привалилась к стене, словно ей тяжело было стоять. Впрочем, возможно, так и было. – У меня все последнее время было нехорошее предчувствие.

– Что ты знаешь, Лиза? – не отставал Федор.

– Ничего, – покачала она головой. – Правда, ничего. Неужели ты думаешь, что я стала бы скрывать, если бы что-то знала?

Он захлопнул дверь, начал спускаться. Даже узнав о смерти брата, он не предполагал, что окажется накрепко связанным с Лизой. Сейчас он был связан с ней так сильно, что просто ночевать в собственной квартире казалось чем-то неправильным, почти предательством.

26 февраля, воскресенье

С Варей могло произойти что угодно, и Лиза старалась уверить себя, что у девочки просто сломался телефон или случилось что-то непредвиденное, но вполне объяснимое.

– Я беспокоюсь, – пожаловалась она портрету мужа, и Саша ободряюще на нее посмотрел.

Лиза беспокоилась всегда и обо всем. В институте боялась экзаменов, потом, на работе, боялась сокращений, а больше всего боялась, что Саша ее разлюбит.

И все-таки настоящий тоскливый страх пришел, когда она вышла из женской консультации.

– Саш, – позвонила мужу Лиза. – Все точно. Ждем ребенка.

– Здорово! – засмеялся Саша, а она вдруг почувствовала, что они с малышом совсем одни в этом мире. Никому не нужные.

Чувство было жутким, Лиза закусила губу и велела себе перестать сходить с ума.

«Я истеричка», – поставила себе тогда диагноз Лиза.

Потом она старалась быть веселой, и ей это даже удавалось, и только когда позвонил Данила и сказал совершенно невозможное, она поняла, что беду предчувствовала.

Лиза проваливалась в сон, снова из него выныривала, протягивала руку к будильнику и смотрела на часы. В половине седьмого она тяжело поднялась, посидела у портрета, выпила кофе. За окном стояла еще глубокая ночь. Тонкий серпик убывающей луны был таким аккуратным, что казался нарисованным. Ночное небо любила рисовать Ника, и Лизе, глядя на ее рисунки, тоже хотелось взять в руки кисти. Однажды Саша даже подарил ей набор гуаши, но начать рисовать Лиза так и не собралась, и нераспечатанная гуашь до сих пор валялась в стенном шкафу.

Есть не хотелось совсем, но она сварила яйцо в мешочек и покорно съела, стоя у окна и разглядывая тонкую луну, словно не могла от нее оторваться.

Потом надела куртку-пуховик, достала из тумбочки ключи от машины и спустилась вниз. Машины у них с Сашей были одинаковые, двухлетние «Рено». Только у Саши машина оливковая, а Лиза выбрала себе белую и долго радовалась недешевой покупке.

Одну машину нужно будет продать, и быстро, пока совсем не проржавела. Им с малышом потребуются деньги.

Сейчас она подошла к оливковой, поежилась на холодном сиденье, включила печку, медленно выехала со двора.

К Вариному дому подъехала по почти пустому городу. Места для парковки около дома не оказалось, к тому же дорогу перегородила «Скорая», стоявшая прямо между подъездами.

Лиза медленно сдала назад, завернула за угол, приткнула машину на улице, около покрытого снегом газона, и пешком направилась к подъезду. За ночь здорово подморозило, подтаявший днем снег лежал на асфальте тонкой ледяной коркой. Лиза поскользнулась, едва не упала, пошла медленней.

Она еще надеялась, что «Скорая» приехала к кому-то другому, не к уютной улыбающейся женщине, которая терпеливо и спокойно ждала вчера вечером свою дочь.

С негромким стуком, который в тишине утра показался оглушающим, открылась дверь Вариного подъезда, двое мужчин выкатили носилки-каталку, подняли, спустили по ступеням крыльца. Лиза бросилась к каталке, едва не столкнувшись с появившейся следом женщиной лет на пять старше самой Лизы.

– Она умерла? – посмотрев на безжизненное лицо лежавшей на каталке Вариной мамы, обернулась Лиза к незнакомой женщине.

– Не мешайте, девушка, – отодвинул ее один из санитаров, а второй хмуро бросил:

– Бог даст, выкарабкается.

Незнакомая женщина неуверенно двинулась к «Скорой» вслед за каталкой, но медик, который обнадежил Лизу, женщину остановил:

– Вам ехать незачем, ее в реанимацию надо.

Лиза до этого никогда и никому не совала денег, а сейчас отреагировала мгновенно, рванула из сумки кошелек, сунула мужчине пятитысячную купюру. Мужчина помедлил, но купюру взял. Сегодня Лиза отличалась завидной сообразительностью, вслед за купюрой сунула визитку:

– Пожалуйста, позвоните!

Мужчина кивнул, «Скорая», замигав огнями, скрылась за поворотом.

– Я вчера приходила к Вариной маме... – повернулась Лиза к кутающейся в пуховик женщине. – То есть я приходила к Варе, но ее не было. Что случилось? Вы соседка?

Раньше она никогда не заговаривала с незнакомыми и очень переживала из-за неспособности быстро сходить с людьми.

– Убили Варю. – Лиза только теперь заметила, что женщина плачет.

«Я знала, – тоскливо подумала Лиза. – Я знала и ничего не сделала».

– Пойдемте. – Женщина передернула плечами, нажала кнопки домофона, принялась подниматься по лестнице. Наверное, ей было страшно оставаться одной.

– Меня зовут Лиза.

– Людмила. Люда.

Женщина поднималась быстро, Лиза почувствовала, что задыхается. Дверь в Варину квартиру была приоткрыта. Люда шагнула внутрь, тут же вернулась с ключами в руке:

– Пойдемте ко мне.

Соседка жила этажом выше, в точно такой же крохотной квартирке.

– Тише, ребенок спит.

Лиза сбросила сапожки, босиком прошла вслед за хозяйкой на маленькую уютную кухню. Кухня была обставлена с любовью, у Лизы никогда не получалось придать квартире по-настоящему ухоженный вид. У них с Сашей в неположенных местах валялись книги, мобильные и планшеты оставались где попало, а одежда по истечении сезона иногда неделями продолжала пылиться на вешалке в прихожей.

Лиза была плохой хозяйкой, но Саша все равно ее любил.

Мысли цеплялись за что-то постороннее, потому что думать о настоящем было страшно.

– Наталья Семеновна с моим сыном сидела. – Людмила включила чайник, села, обняв себя за плечи. – Что я теперь буду делать, не представляю...

– Привозите ко мне, – неожиданно предложила Лиза. – Пока новую няню не найдете.

Вообще-то, ей тоже пора было выходить на работу, но несколько дней уже не имели никакого значения.

– Да он в школу ходит. Только болеет часто, тогда Наталья Семеновна меня и выручала. Я ведь сына одна ращу.

– Будет нужна помощь, звоните.

– Спасибо. – Людмила засыпала заварку в заварной чайник, залила кипятком. Чайник был старый, на носике виднелся небольшой скол.

Чашки тоже были старые, у Лизиной мамы когда-то был похожий сервиз. Пока его не выбросили.

Хозяйка села, обняла чашку руками.

– Варя вчера только приехала. Завезла вещи и убежала.

– Я знаю, – сказала Лиза. – Она должна была ко мне приехать. Только не приехала. Вот я и забеспокоилась.

– Вечером она не пришла, и телефон у нее не отвечал. Я Васю уложила и у Натальи Семеновны весь вечер просидела. Господи, ясно же уже было, что хорошего ждать нечего!

Часов в одиннадцать все-таки к себе вернулась, ребенок один в квартире, страшно. А часа через два проснулась, слышу, на лестнице голоса...

Людмила махнула рукой и заплакала по-настоящему, уткнув лицо в ладони.

– У Натальи Семеновны была полиция. Варю нашли где-то на пустыре около лесопарка. Задушенной. Хорошо, что документы были при ней, матери быстро сообщили. Полиция уехала, я с ней посидела, а под утро Наталье Семеновне пришлось вызывать «Скорую». Упала около дивана. Я даже сначала подумала, что несчастная мать умерла.

– Пустырь далеко отсюда?

– До лесопарка минут пятнадцать. А где точно тело нашли, я не знаю. Собачники вечером вышли гулять, вот и обнаружили Варю.

Варя не могла отправиться в лесопарк, зная, что ее ждет Лиза. Отвели насильно? В городе такое невозможно, везде люди. Заманили в машину?

– Я сюда два года назад переехала, – рассказывала Людмила. – Мы с мужем развелись и квартиру разменяли. Представляете, одна, никого не знаю... А тетя Наташа с Варей мне сразу как родные стали. Они обе такие хорошие, добрые. Господи, что я теперь буду делать?

Зазвонил мобильный, который Лиза предусмотрительно держала в руках. Врач «Скорой» доложил, в какой больнице оставил пациентку. Предупредил, что отвезли ее в реанимацию и навещать ее в ближайшие дни наверняка будет нельзя.

– Люда, полиция визитки не оставила? – спросила Лиза.

– Не знаю, – покачала головой Людмила. – Не помню.

– Давайте посмотрим.

Зачем Лизе полиция, она не поинтересовалась. Пришлось вернуться в квартиру Вариной мамы. Визитки нашлись, лежали на тумбочке рядом с входной дверью.

Лиза сфотографировала контакты, оставила Людмиле свой телефон, записала ее.

К машине она шла медленно. Сейчас в доме уже светились редкие окна, но на тротуаре, кроме нее, не было никого, даже дворники еще не вышли. Это днем едва ли можно выбрать момент, когда дорожка вдоль дома окажется совсем безлюдной. Силой затаскивать девушку в машину очень рискованно. Варя села к кому-то знакомому. Звонить полицейским было рано, и Лиза вернулась домой.

Голые ветки за окном еле заметно покачивались на фоне уже по-весеннему голубого неба. В детстве Данила не понимал, почему март считается весенним месяцем, когда еще стоят морозы и до настоящей весны целая вечность. Это он потом прочувствовал, что россиянам больше всего не повезло с климатом.

Вообще-то, ему много с чем не везло, с до последнего времени еле дышащим бизнесом, например. Тьфу, тьфу, тьфу, суеверно мысленно сплюнул Данила.

Впрочем, Кириллу и Сашке не повезло больше.

Он выпил две чашки крепкого чая и съел несколько бутербродов с колбасой, пока наконец не проснулась Уля.

– Вставай! – услышав из комнаты шум, крикнул Данила. – Вставай, я соскучился.

Уля выползла со слегка припухшими со сна глазами, он любил ее такую. Впрочем, он ее всякую любил.

– Давно встал? – Она потянулась, смешно зевнула.

– Давно. В питомник поедem?

– Ну что ты, Дан! – укоризненно опешила она. – Нужно же отдать вещи Кирилла в храм!

Вчера Уля весь вечер занималась устройством одежды покойного друга. Вообще-то, не столько барахла было у Кирилла, чтобы сильно морочить голову и себе, и другим. Данила просто отнес бы вещи к помойке и положил рядом – бомжи возьмут. А не увидят, так и ладно.

Уля звонила приятельнице, занимающейся помощью бездомным, потом Елене Сергеевне, потом снова приятельнице. Жена была очень озабочена и сосредоточена, Даниле было забавно за ней наблюдать.

– Так ты же договорилась вчера! – удивился он. Вчерашние переговоры закончились тем, что приятельница должна была сегодня утром приехать на машине к Елене Сергеевне.

– Нужно проконтролировать, – твердо заявила Уля.

«Контролировать» ему не хотелось до смерти. Данила устал от чужого горя, и ему хотелось хотя бы один выходной провести нормально, как прежде.

– Потерпи, Дан. – Жена у него умница, уловила его настроение. – Елене Сергеевне надо помочь.

– Надо, – согласился он, отлично понимая, что любой «контроль» уже лишний. Все, что можно и нужно сделать, они с Улей сделали.

Жена достала йогурт, долго думала, какой чай заварить, остановилась на зеленом, не торопясь и с удовольствием позавтракала.

Потом опять позвонила приятельнице и Елене Сергеевне, а потом стала торопить Данилу, потому что приехать к Кирилловой матери нужно было уже через полчаса.

Опоздали они ненамного, минут на пять. Приятельница, оказавшаяся теткой неопределенного возраста и настолько потрепанной, что скорее походила на законченную алкоголичку, чем на благотворительницу, ласково рассказывала Елене Сергеевне, что вещи пойдут для погорельцев. Что она сегодня же отвезет их в какую-то подмосковную деревню, где два дома сразу сгорели. Такое горе, такое горе!

– Люди очень бедствуют, очень, – качала головой благотворительница.

Данила предполагал, что дома спалили спяну. Но в разговор не вмешивался.

Как ни странно, несмотря на весь свой неопрятный вид, тетка Даниле понравилась. Было в ней что-то наивное и искреннее, и он, уже давно привыкший никому и никогда до конца не доверять, сразу понял, что женщина не обманывает. Впрочем, обманывать никакого смысла не было, Кирилл хорошую одежду любил, но обогатиться на его шмотках проблематично.

Уля Елену Сергеевну обняла, поцеловала и сразу сделалась центром происходящего.

– Неси в машину, – заглянув в чемодан, велела она приятельнице. Заглянула в большую коробку и решила. – А это Данила отнесет.

Он послушно понес коробку вниз, загрузил благотворительнице в багажник. Машина, кстати, была неплохая, новенькая «Шкода Октавия». Уля спустилась следом, нетерпеливо топталась рядом.

– Нужно подняться, попрощаться с хозяйкой, – решила приятельница, растерянно оглядываясь около раскрытого багажника.

– Не надо, – решительно поторопила Уля. – Поезжай, не теряй время!

Благотворительница помялась, но послушно села за руль, жена потянула Данилу опять к подъезду.

Дверь в квартиру осталась отпертой, Данила осторожно постучал, переступил через порог, пропустил Улю.

– Как я вам благодарна ребята! – вышла к ним Елена Сергеевна. – Что бы я без вас делала! А Ника-то так и не позвонила!

– Бог с ней, – быстро сказала Уля. – Если что-то потребуется, звоните в любое время.

– Спасибо, Уленька. – Елена Сергеевна достала платок, промокнула глаза. – Все время плачу.

– Ну что же делать, – посочувствовала Уля. – Должно пройти время. Время – лучший лекарь.

– Леночка, зови гостей чай пить, – выглянул из кухни друг. Посмотрел на Данилу с женой, кивнул – поздоровался. Опять скрылся. Елене Сергеевне повезло, друг казался надежным.

– Спасибо, но мы пойдем, – быстро отказался Данила. Все было правильно, хотя почему-то показалось ему хорошо отрежиссированным спектаклем.

– Да, Данила, – вспомнила хозяйка. – Ника говорила, ты хочешь взять компьютер Кирюши. Возьми. Сейчас принесу.

Она прошла в комнату, вернулась с ноутбуком и тянущимся за ним зарядным устройством.

– Только если он вам не нужен... – Данила подхватил протянутый ноутбук.

– Бери, бери, – покивала Елена Сергеевна. – Зачем он мне?

Уля опять поцеловала женщину и, спускаясь вниз, недовольно показала глазами на ноутбук.

– Зачем он тебе?

Данила пожал плечами. Станный вопрос, от жены даже неожиданный.

– Как память о Кирилле.

Товарищеский долг можно было считать выполненным, и впереди был еще целый день с Улей. Друзей не стало, но его-то жизнь продолжается.

– Давай больше не думать о плохом. Мы ведь очень помогли Елене Сергеевне, правда, Дан?

Уля была довольна. Она любила делать добрые дела, а еще больше любила, когда другие это ценили. Елена Сергеевна, судя по всему, оценила.

– Правда, – кивнул Данила.

Ему тоже не хотелось думать о плохом. Это удалось ненадолго, на несколько часов.

С просьбой свекрови насчет вещей Кирилла Нике хотелось покончить как можно быстрее. Покончить и забыть и о бывшем муже, и о бывшей свекрови. Они-то о Нике не вспоминали все прошедшие три года.

Утром пришла простая и правильная мысль, Ника даже повеселела и только удивлялась, что мысль не пришла в голову сразу, еще вчера. Вещи нужно отдать папиному приятелю отцу Валерию. Отец Валерий служил настоятелем в каком-то храме недалеко от Бульварного кольца.

Дядя Валера Нике нравился. Он был веселый, смешливый и ничем не отличался от обычных мужчин, если не считать бороды и стянутых резинкой волос. В облачении Ника видела отца Валерия только на фотографиях, там он выглядел строгим, серьезным, но все равно сквозь строгость и серьезность проглядывали доброта и понимание.

– Мам, – позвонила родителям Ника. – Елена Сергеевна просит отдать вещи Кирилла в храм. Спроси у дяди Валеры, куда отвезти.

– Привози к нам, – сразу решила мама. – А Валерке папа позвонит. Много вещей-то?

– Большой чемодан и коробка.

– Привози. А хочешь, мы сами к Елене съездим и заберем?

Нике очень хотелось сказать, что именно этого и она хочет, никогда больше не встречаться со свекровью. Ей было очень плохо три года назад, а Елена Сергеевна ни разу ей не позвонила.

– Хочу, – решила Ника. – Но не надо. Сама привезу. По-моему, Елена Сергеевна обиделась, что я сразу вещи не забрала.

– Это правильно, – подтвердила мама. – Ты теперь для нее единственный близкий человек.

– Что? – опешила Ника. – Я близкий человек? Да она обо мне не вспомнила ни разу!

– Несчастье все поменяло, Ника.

– Что оно поменяло? – Нике показалось, что от обиды она сейчас расплачется. – Я заменю ей Кирилла?

– Перестань! – В мамином голосе послышался металл. Это папа всегда так говорил, когда мама злилась, – зазвенел металл в голосе. – Нельзя быть такой жестокой! Ты ей тоже не звонила три года!

– И еще тридцать лет звонить не хочу!

– Перестань, Ника. – Это мама сказала уже нормальным голосом, без металла. – Несчастливая женщина, пожалей ее. Не хочешь к ней ехать, давай действительно мы с папой съездим.

– Не надо, я сама, – буркнула Ника. – Ты уверена, что она стала бы нам помогать, если бы – не дай бог – у нас случилось несчастье?

– Не уверена, – спокойно сказала мама. – Но она – это она, а мы – это мы. У нее своя совесть, у нас своя.

Ника помолчала и рассказала:

– Я ездила к Лизе. Отвезла ей платок, она платок на похоронах потеряла. Пуховый. Очень ее жалко, плачет все время и какая-то... потерянная.

– Очень жалко, – подтвердила мама. – Ты ей звони, вы же когда-то дружили.

– Да нет, сказать, что мы дружили, нельзя. Так... Она мне нравилась. И я ей вроде бы тоже. Но с тех пор много воды утекло.

– Все равно. Позвони ей, попробуй поддержать. В горе человеку нужны другие люди.

– Ладно. – Нике действительно было жаль Лизу, но набиваться в утешительницы она не собиралась.

Никому никто не утешал, когда ей не хотелось жить. Сама утешилась.

– А платок я видела, – вспомнила мама. – Данила на похоронах ко всем подходил, спрашивал, кто потерял. Кто-то сказал, что Лиза. Она ведь одна на поминки не осталась. Елена сразу платок взяла у Данилы и сунула в сумку. Я еще удивилась, Даниле-то проще передать Лизе.

– Елена Сергеевна решила, что проще всего будет, если передам я.

– Ну перестань, Ника, – упрекнула трубка. – Не старайся казаться хуже, чем ты есть на самом деле. Если Елена ищет повод лишний раз тебя увидеть, значит, ей просто очень плохо, вот и все. – Мама вздохнула. – Я Данилу и Сашу только по твоим рассказам помнила, а кажется, что умер кто-то близкий.

– Ты видела их на свадьбе...

Ника еще немного поговорила с мамой и позвонила свекрови. Елена Сергеевна ответила быстро, но таким усталым, старушечьим голосом, что Нике неожиданно стало стыдно неизвестно за что.

– Елена Сергеевна, – быстро предложила Ника. – Давайте я сейчас приеду, заберу вещи. У моих родителей есть знакомый священник, он все устроит.

– Данила с Улей только что забрали, – медленно сказала свекровь, как будто ей было тяжело произносить слова. – Они мне очень помогли.

– Ну... – Что еще сказать, Ника не знала. – Если что нужно, звоните, пожалуйста.

– Ты меня не забывай, Ника.

– Конечно. До свидания, Елена Сергеевна.

Ника положила трубку, пытаясь отделаться от неприятного осадка. Наверное, надо было спросить, как свекровь себя чувствует, а она не спросила. Впрочем, едва ли можно хорошо себя чувствовать, похоронив сына.

Разговоры со свекровью и раньше оставляли неприятный осадок. «Кирилл на работе», – объясняла Ника, когда Елена Сергеевна, позвонив, не заставала сына дома. «А он обедал?» – спрашивала свекровь, и Ника начинала чувствовать себя виноватой, потому что понятия об этом не имела. Единственное, что она могла предположить, это то, что Кирилл едва ли станет мучиться от голода, потому что любил комфорт во всем.

Еще свекровь очень переживала, что сын много работает, и Ника опять чувствовала себя виноватой, что не может уговорить мужа вести более размеренный образ жизни. Как будто кто-то в мире может себе позволить работать немного, а жить при этом хорошо.

Ника не любила свекровь, и сейчас ей было от этого стыдно.

Освободившийся день она решила использовать по полной. Запустила стиральную машину, пропылесосила квартиру, протерла пыль.

И занимаясь привычными домашними делами, неожиданно поняла, что ей очень хочется знать, отчего погиб ее бывший муж.

Как работает полиция, Лиза не представляла. Вполне возможно, что у мужчин, оставшихся Вариной матери свои визитки, сегодня выходной, но, дождавшись десяти часов, она набрала один из номеров.

– Извините, – услышав в трубке мужской голос, быстро сказала Лиза. – Я по поводу Варвары Веденеевой...

– Вы родственница? – перебил голос.

– Нет. – Лиза села за Сашин письменный стол, свободной рукой поправила неровно лежавшую папку с бумагами. – Варя работала у моего мужа. Он частный врач.

– Подождите, – опять перебил голос. – Мать сказала, что девушка работала в больнице.

– Да, – подтвердила Лиза. – А еще она помогала моему мужу. Неофициально.

– Понятно.

– Моего мужа убили восемнадцатого февраля.

– Вы где находитесь? – Лизе показалось, что мужчина тяжело вздохнул.

– Дома. – Лиза назвала адрес, собеседник немного помолчал, прикидывал, как им лучше встретиться.

– В отделение приехать сможете? – Отделение находилось почти у Вариного дома.

– Смогу.

– Через час?

– Хорошо.

– Как вас зовут?

– Вербицкая Елизавета Антоновна.

Отделение полиции она нашла сразу и сразу нашла нужный кабинет.

– Константин Степанович? – сунулась в кабинет Лиза.

– Елизавета Антоновна? – уточнил сидевший за столом мужчина лет тридцати.

Мужчина – худощавый, уставший, посмотрел на нее пылливо и сурово.

– Да.

– Проходите. Присаживайтесь.

Лиза прошла. Вблизи было видно, что стол старый, на нем виднелись многочисленные царапины. Компьютер перед полицейским тоже был не из новых, клавиатура совсем грязная.

– Моего мужа убили в прошлую субботу...

Она говорила, полицейский внимательно слушал. На столе перед ним лежал телефон. Записывает разговор, поняла Лиза. Напрасно он показался ей суровым, сейчас мужчина поглядывал на нее с сочувствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.